

Книга 4. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИЧНОСТИ, ИЛИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В УЧЕНИИ О ТРОИЦЕ

1. Сотворить - не значит родить

Меня часто предупреждали, чтобы я не рассказывал вам того, что собираюсь рассказать в этой книге. Мне говорили: "Обыкновенный читатель не хочет никакой теологии, дайте ему простую, практическую религию". Я отверг эти советы. Я не думаю, что обыкновенный читатель настолько глуп. Слово "теология" означает "наука о Боге"; и я полагаю, что каждый человек, хоть немножко задумывающийся о Создателе всего сущего, хотел бы, насколько это возможно, получить самые ясные и точные представления о Нем. Вы не дети, так зачем же обращаться с вами, как с детьми?

В какой-то мере я понимаю, почему некоторым хотелось бы обойти теологию стороной. Я помню, во время одной моей беседы пожилой офицер, побывавший, видно, во многих переделках, поднялся и сказал: "Мне вся эта болтовня ни к чему. Но, доложу вам, я тоже человек религиозный. Я знаю, что Бог есть. Как-то ночью, когда я был один в пустыне, я чувствовал Его присутствие. Это величайшая тайна. Именно поэтому я не верю всем вашим аккуратным формулам и догмам. Да и каждому, кто пережил реальную встречу с Ним, они покажутся жалкими, сухими и ненастоящими".

В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне вероятно, что он и в самом деле пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходил от чего-то реального к отвлеченному и не очень значительному. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Однако дело вот в чем. Карта - действительно кусок раскрашенной бумаги, но вы должны понять две вещи. Во-первых, она составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себе все опыты, вместе взятые. Во-вторых, если вы хотите куда-то отправиться, карта вам необходима. Пока вы довольствуетесь прогулками по берегу, впитывать в себя величественное зрелище гораздо приятнее, чем рассматривать карту. Но пожелай вы отправиться в Америку, она будет вам несравненно полезнее, чем ваши прогулки.

Теология подобна карте. Простое размышление о христианских доктринах, даже изучение их, если вы на нем остановитесь, не так важно и интересно, как то, что пережил офицер в пустыне. Доктрины - это не Бог. Они - вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые переживания или чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень примитивны и расплывчаты. И еще, если вы хотите двигаться вперед, карта вам необходима. Видите ли, то, что поразило офицера в пустыне, при всей своей реальности, бесполезно даже для него. Оно никуда не ведет, оно сводится к эмоциональному потрясению и не требует никакой работы. Это все равно что смотреть на океанские волны, стоя на берегу. Вы не попадете в Ньюфаундленд, если ваш контакт с Атлантическим океаном этим ограничится. Вы не обретете жизни вечной, наслаждаясь ощущением Божьего присутствия в цветах и музыке. Однако вы никуда не попадете и в том случае, если будете смотреть на карту, а выйти в открытое море не решитесь. Выйдя же в плавание без карты, вы не сможете чувствовать себя в безопасности.

Иными словами, теология - это практическая наука, особенно в наши дни. В старые времена, когда образование не было таким массовым, а дискуссии - столь популярными, люди, возможно, могли довольствоваться очень простыми истинами о Боге. Сейчас все иначе. Каждый человек читает, каждый прислушивается к тому, о чем спорят. Они не участвуют в теологических беседах, но какие-то представления о Боге у них все-таки

есть. Однако это сплошь и рядом - плохие, беспорядочные, устаревшие представления. Очень многие из них выдают сегодня за новые, между тем как уже несколько столетий назад их рассмотрели, изучили и отвергли известные теологи. К их числу относятся некоторые популярные формы религии; исповедуя их, мы делаем шаг назад, словно возвращаемся к тому, что Земля - плоская.

Вникните в популярное у нас толкование христианской доктрины, и вы увидите, что оно сводится вот к чему: Иисус Христос - великий учитель нравственности, и если бы только мы последовали Его совету, то сумели бы установить лучший социальный порядок и избежать еще одной войны. Что ж, это верно. Но касается это лишь малой части христианской истины и, как ни странно на первый взгляд, именно практической ценности и не имеет.

Да, если бы мы воспользовались советами Христа, то вскоре создали бы гораздо более счастливый мир. Однако для начала идти так далеко, как Христос с Его неземной мудростью, вовсе не обязательно. Если бы мы делали то, что советовали нам Платон, или Аристотель, или Конфуций, то и тогда все у нас было бы гораздо лучше. За чем же дело стало? А за тем, очевидно, что мы никогда не следовали советам ни одного из этих учителей. Так почему мы должны им следовать сейчас? Почему советам Христа мы последуем скорее, чем советам других? Потому что Он лучше учил нравственности? Если это так, вероятность того, что мы пойдем за Ним, только снижается. Ведь если мы не в состоянии усвоить урок по курсу начальной школы, можно ли рассчитывать, что мы усвоим что-то посложнее? Если христианство сводится к еще одному доброму совету, то ценность его невелика. За последние четыре тысячелетия у человечества не было недостатка в хороших советах. Несколько дополнительных - положения не изменят. Но возьмите любую серьезную теологическую работу, толкующую о христианстве, и вы увидите, что в ней и в этой популярной версии речь идет о совершенно разных вещах. Христианские авторы говорят, что Христос - Сын Божий (чтобы это ни значило). Они говорят, что те, кто Ему доверится и поверит, тоже смогут стать сынами Божьими (что бы это ни значило). Наконец, они говорят, что смерть Его спасла нас от наших грехов (что бы это ни значило).

Нет смысла жаловаться, что это трудно понять. Христианство и не скрывает, что оно говорит нам о другом мире, о чем-то таком, что за пределами мира, который мы можем осязать, слышать и видеть. Вы вправе считать это неправдой; но, если то, что говорит христианство, все-таки истина, понять ее будет нелегко, по крайней мере - так же трудно, как современную физику, и по той же причине.

Больше всего нас неприятно поражает, что, предавшись Христу, мы можем стать сынами Божьими. Кто-нибудь спросит: "Разве мы и так не Божьи дети? Разве не в том одна из главных идей христианства, что Бог

- Отец всем людям, до единого?" Что ж, в некотором смысле, мы все - дети Божьи. Бог вызвал нас к существованию. Он любит нас, заботится о нас, как Отец. Но когда Библия говорит нам, что мы можем стать сынами Божьими, она, безусловно, подразумевает что-то другое. И это приводит вас к самой сердцевине богословия.

В одном из христианских символов веры говорится, что "Христос, Сын Божий, рожден от Бога, а не сотворен Им", и дальше: "рожденный Отцом прежде всех веков" (то есть до сотворения мира). Пожалуйста, уясните себе как следует: откровение это не имеет ничего общего с тем, что потом Христос родился на земле как Человек и был Сыном Девы. Сейчас мы не говорим о непорочном зачатии. Нас интересует что-то такое, что происходило еще до сотворения мира, до начала времен. "Прежде всех веков Христос был рожден, а не сотворен". Что это значит?

Родить - значит стать отцом. Сотворить - значит сделать, Разница между этими двумя понятиями в том, что у рожденного от вас - та же природа, что у вас. У человека рождаются человеческие дети, у бобра - бобрята, птица кладет яйца, из которых вылупятся птенцы. А вот когда вы что-то делаете, оно отлично от вас по природе. Птица

вьет гнездо, бобер строит плотину, человек делает радиоприемник или что-то более похожее на него самого, например, - статую. Если он достаточно искусный скульптор, то может создать статую, очень похожую на человека. И все-таки неживая статуя никогда не будет человеком, поскольку не может ни дышать, ни думать; она лишь похожа на него.

Все это надо очень ясно понять. То, что рождено Богом, есть Бог, как рожденное от человека - человек. То, что создано Богом, - это не Бог, как и созданное человеком - не человек. Вот почему люди - не сыны Божьи в том смысле, в каком Сын Божий - Христос. Люди могут быть похожи на Бога, но они - существа другого рода. Они скорее похожи на статую или картину, изображающую Бога. Как и статуя, которая похожа на человека, но лишена жизни, человек (в некотором смысле, что я и собираюсь объяснить) похож на Бога, но в нем нет того рода жизни, который присущ Богу.

Давайте сначала рассмотрим первый пункт (сходство человека с Богом). Все, что создано Богом, чем-то похоже на него. Космос похож на Него своей необъятностью. Не то чтобы необъятность космоса была такой же, что и необъятность Бога; но безграничность Вселенной как бы символ Его безграничности или выражение ее в понятиях недуховных. Материя похожа на Бога в том смысле, что и она обладает энергией; хотя, конечно, физическая энергия отличается от энергии, свойственной Богу. Растительный мир схож с Богом в том, что, как и Он, обладает жизнью. Но биологическая жизнь - не та же самая, которая присуща Богу. Она - только символ или тень Его жизни.

Когда мы переходим к животному миру, то обнаруживаем другие черты сходства, помимо биологической жизни. Бурная жизнедеятельность и плодовитость насекомых, возможно - первый, неясный намек на непрестанную созидательную активность Бога. У более высоких форм, млекопитающих, мы видим начало инстинктивной привязанности. Конечно, эта привязанность не то же самое, что любовь, присущая Богу; но она похожа на нее, как пейзаж картина, написанная на плоском холсте.

И вот мы подошли к человеку, высшему существу в животном мире, в нем мы замечаем наиболее полное сходство с Богом. (Возможно, другие миры населены существами, еще более похожими на Бога, но нам об этом ничего не известно.) Человек не только живет - он любит и думает; в нем биологическая жизнь достигает высшего уровня.

Однако в естественном состоянии человек лишен духовной жизни, то есть особого, более высокого рода жизни, который присущ Богу. Мы используем одно и то же слово "жизнь" и для того, и для другого. Но если вы сделаете отсюда вывод, что они, в сущности, одно и то же, то ошибетесь. Они не одинаковы, как не одинаковы необъятность Вселенной и необъятность Бога. Различие между биологической жизнью и духовной настолько важно, что впредь я собираюсь именовать их по-разному.

Биологическую жизнь, которую мы получаем через природу и которая (как и все в природе) отмечена склонностью к постоянному угасанию и разложению, а потому нуждается в непрерывной поддержке (она и поступает к ней из природы в виде воздуха, воды, пищи и т. п.), - этот род жизни я буду называть "биос" (греческое слово). Духовную жизнь, которая есть в Боге "от вечности", источник всей физической Вселенной, назовем греческим словом "зоэ" (что, собственно, значит "жизнь"). Биос, несомненно, схож с зоэ, как тень ее или символ. Сходство это такое, как между статуей и человеком. Перемена, которая происходит, когда биос сменяется в нас на зоэ, равносильна превращению мраморной статуи в живого человека.

Именно в этом суть всех христианских откровений; наш мир - студия Великого Скульптора. Мы с вами - статуи, и ходит слух, что в один прекрасный день некоторые из нас оживут.

2. Бог в трех лицах

В предыдущей главе мы рассмотрели разницу между понятиями "рождать" и "делать" или "творить". Человек рождает ребенка, статую он делает. Бог рождает Христа, человека Он творит. Сказав это, я проиллюстрировал лишь одну истину о Боге: то, что рождается от Бога-Отца, есть Бог, Существо той же природы, что и Он Сам. В некотором роде это подобно рождению человеческого сына от человеческого отца. Однако сходство тут не абсолютное. Постараюсь объяснить это несколько подробнее.

Очень многие в наши дни говорят: "Я верю, что есть Бог, но не могу поверить, что Бог - это личность". Они чувствуют, что таинственное нечто, стоящее за всеми вещами, больше, чем просто личность. И христиане вполне согласны с этим. Но никто, кроме христиан, ничего не говорит о том, чему может быть подобно существо, стоящее над личностью. Все остальные, соглашаясь, что Бог выходит за пределы личности, именно на этом основании и представляют Его чем-то безличным (а на самом деле - чем-то меньшим, чем личность). Если же вы ищете в Боге сверхличность, некое начало, стоящее выше личности, то выбор между христианской и иными доктринами для вас отпадает. Ибо она, единственная в мире, именно так и толкует Бога.

Некоторые думают, что после этой жизни или после нескольких жизней человеческие души будут впитаны Богом. Но если вы спросите их, что они под этим понимают, то обнаружите что-то вроде поглощения одних веществ другими. Они и говорят, что это - словно капли, которые стекают в океан. Но когда капля стекает в океан, ей приходит конец. Если это и происходит с нами, нас просто больше не будет. Только у христиан вы найдете мысль о том, как человеческие души могут обрести жизнь в Боге, оставаясь при этом собою, более того - становясь собою в значительно большей степени, чем они были прежде.

Я предупреждал вас, что теология - наука практическая. Цель нашей жизни, таким образом, в том, чтобы войти в жизнь Бога. Неверные представления об этой жизни мешают достигнуть цели.

А сейчас я попросил бы особого внимания.

Вы знаете, что в пространстве вы можете двигаться в трех направлениях: налево или направо, назад или вперед, вниз или вверх. Любое направление представляет собой либо одно из этих трех, либо какую-то их комбинацию. Мы называем это тремя измерениями. А теперь напрягите внимание. Пользуясь лишь одним измерением, вы можете начертить только прямую линию. Пользуясь двумя, вы можете начертить фигуру, например квадрат. Квадрат состоит из четырех прямых линий. Давайте сделаем еще один шаг вперед. Если в вашем распоряжении три измерения, вы можете построить объемную фигуру, например куб, похожий на игральную кость или на кусочек сахара. Куб составлен из шести квадратов.

Замечаете, в чем тут дело? Мир, в котором только одно измерение, будет прямой линией. В мире с двумя измерениями мы все еще видим прямые, но несколько прямых создают фигуру. В трехмерном мире есть плоские фигуры, но, составленные вместе, они образуют объемное тело. Иными словами, продвигаясь к более сложным уровням, вы не отбрасываете того, чем располагали на уровнях более простых - вы сохраняете их, группируя по-новому, в такие формы, которых вы не сумели бы придумать, если бы вам были известны только простейшие уровни.

Христианское учение о Боге строится по этому же принципу. Человеческий уровень - это простой и относительно пустой уровень. На нем одна личность - одно существо, а две личности будут двумя существами. Точно так же при двух измерениях (к примеру, на листе бумаги) один квадрат будет одной фигурой, два квадрата - двумя. На Божественном уровне вы все еще - в мире личностей; но эти личности связаны там иначе, совсем другим способом. Мы, никогда не жившие на том уровне, не можем вообразить, каким именно образом они связаны между собой.

В Божьем измерении вы, так сказать, находите существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся в то же время одним Существом; ведь остается же куб, содержащий шесть квадратов, одним кубом. Полностью постичь такое Существо мы, конечно, не можем. Мы и куба не сумели бы ясно представить, если бы оперировали только двумя измерениями в пространстве. Однако смутное представление об этом нам доступно. Когда оно приходит к нам, мы впервые начинаем постигать, пусть неясно, какую-то позитивную идею Сверхличности - Того, Кто больше, чем личность. Это что-то такое, до чего мы никогда бы не сумели додуматься. И тем не менее, однажды услышав об этом, мы почти чувствуем, что должны были и сами об этом догадаться, потому что это безукоризненно согласуется со всем тем, что мы уже знаем.

Вы спросите: "Если мы не можем вообразить себе Существо, вмещающее в себя три личности, то какой смысл говорить о Нем?" Что ж, пожалуй, никакого. Но смысл есть в том, чтобы мы вошли в жизнь этого триединого Существа, и это может начаться в любое время - сегодня, если хотите.

Я имею в виду следующее. Обыкновенный, простой христианин становится на колени, чтобы помолиться. Он пытается установить связь с Богом. Но если этот человек - христианин, он знает, что сила, которая велит ему молиться, - тоже Бог, так сказать, Бог внутри него. Еще он знает, что все его знания о Боге приходят через Христа - Человека, который был Богом. Это Христос стоит рядом с ним, помогая ему молиться, молясь за него. Вы понимаете что происходит? Бог - Тот, Кому он молится, цель, которой он пытается достичь. Бог, в то же время, - внутри него, это - та сила, которая вызывает в нем желание молиться. И Бог же - тот путь, по которому толкает его к цели сила, находящаяся внутри. И все это троякое действие Триединого Существа происходит в обычной маленькой спальне, где молится обыкновенный человек. Этот человек захвачен высшей формой жизни - той, которую я назвал словом "зоэ", или жизнью духовной. Богом он "затянут" в Бога, оставаясь в то же время самим собой.

Так и начиналась теология. У людей уже было смутное представление о Боге. Потом пришел Человек, сказавший, что Он - Бог. Человек был не такой, чтобы от Него отмахнуться, как от сумасшедшего, и Ему поверили. После того как Его видели убитым, Он пришел снова. Позднее, после того как Его ученики объединились в маленькое общество, они обнаружили, что Бог каким-то непостижимым образом внутри них; Он направлял их, давал им силы совершать дела, на которые прежде они не были способны. Когда они сопоставили все это и крепко над всем поразмыслили, то пришли к христианской мысли о Триедином Боге.

Понятие это не придумано людьми; лишь примитивные религии придуманы. Теология, в некотором смысле, экспериментальная наука. Говоря "в некотором", я имею в виду, что теология подобна экспериментальным наукам, но не во всем. Если вы геолог и изучаете горные породы, то должны ездить в экспедиции, чтобы найти образцы этих пород. Они не придут к вам сами, но и не убегут от вас, если вы придете к ним. Тут вся инициатива принадлежит вам. Горные породы не в состоянии ни помочь, ни помешать вам. Но, предположим, вы зоолог и хотите сфотографировать диких животных в естественных для них условиях. Все будет иначе, чем у геолога. Дикие животные не придут к вам сами, но они могут убежать от вас, и они непременно убегут, если вас заметят. Вот и первые признаки их инициативы.

Поднимемся еще на один уровень. Предположим, вы хотите близко узнать человека. Если он не позволит вам, у вас ничего не получится. Вы должны завоевать его доверие. В данном случае инициатива распределяется поровну - для дружбы между двумя людьми необходима обоюдная инициатива. Что касается познания Бога, то здесь инициатива исходит от Него.

Если Он не откроет вам Себя, вы не сможете сделать абсолютно ничего, чтобы найти Его. Так оно и бывает: одним Он открывается в большей степени, чем другим, не потому, что у Него есть любимчики, а потому, что для Него невозможно открыть Себя человеку, чей разум и характер - не в соответствующем состоянии. Солнечный свет не может в пыльном зеркале отразиться так же ярко, как отражается он в чистом.

Эту же мысль поясним иначе: в других науках вы пользуетесь инструментами, так сказать, из внешнего мира (микроскопами или телескопами); инструмент же, с помощью которого вы можете воспринять Бога, - все ваше существо. Если человек не содержит себя в чистоте, то образ Бога будет смутным и расплывчатым - как Луна, если ее рассматривать в грязный телескоп. Вот почему варварские народы исповедуют варварские религии - они смотрят на Бога через нечистые линзы.

Бог может открыть Себя таким, какой Он действительно есть, только настоящим людям - не просто людям, которые хороши сами по себе, а тем, кто объединились в одну семью, любят и поддерживают друг друга и помогают друг другу познать Его. Он и предназначал человечество к тому, чтобы стать музыкантами в одном оркестре или органами одного тела.

Таким образом, единственный подходящий инструмент для познания Бога - христианское братство, совокупность всех христиан, вместе ожидающих встречи с Ним. Вот почему все люди, которые появляются время от времени на нашем горизонте, предлагая изобретенные ими или упрощенные религии вместо христианских традиций, зря теряют время. Они подобны человеку, который, вооружившись старым полевым биноклем, пытается учить настоящих астрономов. Он может быть умным; возможно, он умнее, чем некоторые профессионалы; но полевой бинокль - не подходит, а потому не может научить их чему бы то ни было. Через год-два о нем забудут, а настоящая наука будет идти, как шла.

Если бы христианство относилось к числу наших изобретений, мы, безусловно, сумели бы сделать его проще. Но это не так. Не нам, христианам, соперничать с людьми, изобретающими легкие и простые религии. Да и как нам тягаться с ними? Мы ведь имеем дело с фактом. Позволит себе быть попроще лишь тот, кто не знает фактов и не заботится о них.

3. Время и за пределами времени

Некоторым кажется, что, читая книгу, мы не должны ничего пропускать. А мне думается, что разделы или главы, которые, по нашему мнению, не принесут нам никакой пользы, читать не следует. Я уже обращался к моим потенциальным читателям с таким советом, и так как в этой главе я собираюсь говорить о вещах, которые одним могут быть полезны, а другим покажутся нарочитыми и ненужными, то повторю свой совет: пропустите эту главу, если она не покажется вам интересной, и переходите к следующей.

В предыдущей главе я коснулся молитвы; и пока эта тема еще свежа в нашей с вами памяти, я хотел бы поговорить о трудностях, возникающих у некоторых. Помнится, один из таких людей сказал мне: "Я могу верить в Бога, но не верю, что Он слушает несколько сот миллионов человек, обращающихся к Нему одновременно". Видимо, очень многие люди разделяют эту точку зрения.

Попробуем разобраться в этом. Прежде всего, обратим внимание на то, что вся сложность, наверное - в слове "одновременно". Многие из нас легко себе представляют, что у Бога - неограниченное количество времени, вот Он и способен выслушать неограниченное число просителей, если только они приходят к Нему один за другим. Таким образом, мы, очевидно, не можем понять, как Бог разбирается с необозримым количеством дел в один и тот же миг.

Что ж, эта сложность, вероятно, была бы неразрешимой, если бы дело касалось нас с вами. Наша жизнь приходит к нам миг за мигом. Одно мгновение исчезает прежде, чем появляется другое, и каждое вмещает в себя очень немного. Вот что такое время. Конечно, мы с вами принимаем как должное, что такой порядок, эта последовательность - прошлое, настоящее, будущее - не что-то, действительно лишь для Земли и нас, ее обитателей, но объективная реальность, распространяющаяся на все сущее. Мы склонны считать, что вся Вселенная и даже Сам Господь Бог постоянно движется от прошлого к

будущему, как мы с вами. Между тем современная наука знает, что это не так. Теологи первыми заговорили о том, что некоторые вещи - вне времени. Позднее эту идею подхватили философы, и лишь в наше время - ученые.

Вероятнее всего, Бог - вне времени. Его жизнь не состоит из моментов, следующих один за другим. Если миллион человек молится Ему в десять часов ночи, Ему не нужно высушивать их всех в один и тот же отрезок времени, который мы называем "десять часов". Этот миги каждый другой от начала мира - бесконечное настоящее для Него. Если хотите, в Его распоряжении вся вечность, чтобы выслушать молитву пилота, с которой тот обращается к Нему, пока падает самолет.

Это трудно представить, я знаю. Позвольте мне пояснить эту мысль на таком примере. Предположим, я пишу повесть. Я пишу: "Мэри отложила работу. В следующее мгновение раздался стук в дверь". Для Мэри, которая вынуждена жить в воображаемом времени, между тем, как она отложила работу, и стуком в дверь нет интервала. Но я, автор, который изобрел Мэри, не живу в этом времени. Между первой и второй фразой я могу просидеть три часа, думая о Мэри. Я могу думать о ней, словно она - единственное действующее лицо в книге, размышлять о ней столько, сколько мне захочется; но все часы, которые я затрачу на это, недействительны для того времени, в котором живет Мэри (то есть - протекает сюжет романа). Это, конечно, далеко не совершенная иллюстрация, но она может внести некоторую ясность. Поток времени, в русле которого движется жизнь нашей Вселенной, отражается на Боге и последовательности или ритме Его действий не больше, чем отражается поток воображаемого времени в повести на творческом процессе ее автора. Бог может уделить неограниченное внимание любому из нас. Ему не надо разбираться с нами как с какой-то массой народа. По отношению к Нему вы - отдельный, особый человек, словно - единственное живое существо, созданное Им. Когда Христос умер, Он умер за каждого из нас, как если бы каждый был единственным в мире.

Моя иллюстрация не вполне соответствует идее, которую я стараюсь пояснить, и вот почему. Автор выходит из одного потока времени (протекающего в повести) только за счет того, что входит в другой, реальный. Бог, по моему убеждению, вообще не живет во времени. Его жизнь не сочится по капле, момент за моментом, как наша. У Него все еще не закончился 1940 год и уже наступил 1990-й. Ведь Его жизнь - это Он Сам.

Если вы представите себе время в виде прямой линии, вдоль которой мы вынуждены путешествовать, то Бога вы должны себе представить в виде целой страницы, на которой эта линия начерчена. Мы подходим к отдельным точкам этой линии; мы должны оставить А прежде, чем мы сможем достичь Б, и не можем достичь В прежде, чем не оставим Б позади. Бог сверху, или извне, или отовсюду вмещает в Себя всю линию, целиком и видит ее всю.

Эта идея стоит того, чтобы ее постичь - с ее помощью из христианства устраняются мнимые трудности. Прежде чем я стал христианином, я никак не мог понять вот чего: христиане считают, что вечный Бог, Который вездесущ и Который движет всей Вселенной, стал однажды человеком. Что же происходило со Вселенной, спрашивал я, когда Он был младенцем или когда Он спал? Как Он мог быть одновременно Богом, Который знает все, и человеком, спрашивающим у Своих учеников: "Кто прикоснулся ко мне"? Как видите, и здесь загвоздка - в категориях времени: "когда Он был младенцем", "как мог Он одновременно?" Иными словами, я предполагал, что жизнь Христа как Бога протекала во времени, а Его жизнь как жизнь человека Иисуса в Палестине представляла собой короткий отрезок, взятый из времени, точно так же, как моя служба в армии была коротким отрезком моей жизни. Возможно, так думает об этом большинство людей.

Мы представляем себе, что Бог жил во времени, когда Его земная, человеческая жизнь только предстояла Ему. Потом мы видим Его в этой жизни. Потом, представляется нам, Он может оглянуться на Свою земную жизнь как на прошлое. Но, скорее всего, эти наши представления не имеют ничего общего с реальностью. Мы не можем ставить земную жизнь Христа в Палестине в какое бы то ни было временное соотношение с Его жизнью как Бога, который - вне пространства и времени. Человеческая природа Христа с

присущей ей слабостью, неведением и потребностью в сне включается каким-то образом во всю Его Божественную жизнь. Эта, человеческая Его жизнь, с нашей точки зрения, - определенный период в истории нашего мира (с Рождества Христова до Распятия).

Мы считаем, что этот период - и период в истории Бога. Но у Бога нет истории. Он слишком реален от начала и до конца, чтобы иметь историю. Ведь иметь историю - значит потерять часть реального существования (история и есть та часть его, которая ускользнула от нас в прошлое) и не обрести до поры до времени другой его части (она еще в будущем), фактически у нас нет ничего, кроме крошечной частицы настоящего, которое исчезает прежде, чем мы начинаем о нем говорить. Не приведи нам Господи думать, что и Бог - такой же. Даже мы можем надеяться, что в вечности от этого избавимся.

Если вы думаете, что Бог - во времени, у вас возникает еще одна трудность. Каждый человек, который сколько-нибудь верит в Бога, верит и в то, что Бог знает о наших намерениях на завтрашний день. Но если Он знает, что я собираюсь сделать, не значит ли это, что я не свободен сделать что-то другое?

Здесь опять-таки трудность возникает из-за предположения, что Бог существует и проявляет Себя в соответствии с линией времени, подобно нам; единственная разница в том, что Он может видеть будущее, а мы нет. Что ж, если бы это было так, если бы Бог предвидел наши поступки, то очень трудно было бы понять, как мы можем не совершить их. Но представьте себе, что Бог - над линией времени. В этом случае то, что мы называем "завтра", видно Ему так же хорошо, как то, что мы называем "сегодня". Для Него все будет "сейчас". Он не вспоминает того, что мы делали вчера; Он просто видит это теперь, потому что, хотя для нас "вчера" безвозвратно ушло и потеряно, для Него оно осталось. Он не предвидит те вещи, которые мы сделаем "завтра"; Он просто видит, как мы это делаем. Для нас "завтра" еще не настало, а Он уже сейчас в "завтра". Нам бы никогда не пришло в голову, что мы не свободны выбирать вот сейчас, потому что Бог знает, что мы делаем. В каком-то смысле Он не знает наших действий до тех пор, пока мы их не совершили; но, с другой стороны, когда бы мы их ни совершили, для Него это - "сейчас".

Это соображение мне сильно помогло. Если оно не помогает вам, забудьте о нем. Мысль эта - вполне христианская в том смысле, что ее придерживались мудрые представители христианства, и ничего противоречащего христианству в ней нет. Но вы не найдете ее ни в Библии, ни в каком-либо из церковных догматов. И вы можете оставаться превосходным христианином, не принимая ее или не задумываясь над этим вообще.

4. Благотворная инфекция

Я начинаю эту главу с просьбы. Постарайтесь представить себе такую картину: на столе лежат две книги, одна поверх другой. Совершенно очевидно, что нижняя книга та, что на ней, наверху, поддерживает. Только благодаря нижней книге верхняя на пять сантиметров выше поверхности стола, а не касается этой поверхности. Обозначим нижнюю книгу буквой А, а верхнюю - буквой Б. Позиция А обуславливает позицию Б. Это ясно, да? Теперь представим себе (это, конечно, не может случиться на самом деле, но подойдет для иллюстрации), представим, себе, что обе книги были в таком положении вечно. В этом случае позиция Б всегда зависела от позиции А, но позиция А не существовала до позиции Б. Иными словами, результат здесь наступает не после причины, как бывает обычно: сначала вы съедаете огурец, а потом у вас расстройство желудка. Этот принцип действует не всегда. Еще минутку терпения, и вы увидите, почему я считаю это важным.

Несколькими страницами раньше я сказал, что Бог - это Существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся тем не менее одним Существом (и привел приблизительную иллюстрацию - куб, который состоит из шести квадратов, но остается одной фигурой). Но как только я стараюсь объяснить, как эти Лица взаимосвязаны, возникает впечатление, будто одно из

них существовало прежде других. Мне приходится прибегать к словам, которые повинны в таком впечатлении. Первое Лицо в этом Троиединстве называется Отцом, Второе Лицо - Сыном. Мы говорим, что Первый рождает, или производит Второго; мы называем это рождением, а не творением, потому что Он производит Существо того же рода, что и Он Сам. В данном случае единственное подходящее слово - "Отец". Но, к сожалению, это слово предполагает, что Он существовал прежде, как человеческий отец существует до появления сына. На самом же деле это не так. Здесь нет места ни "прежде", ни "потом". Вот почему, я считаю, очень важно понять: одна вещь может быть источником или причиной другой и не существовать прежде нее. Сын существует потому, что существует Отец; но никогда не было мгновенья, предшествующего рождению Сына.

Вероятно, лучше всего взглянуть на это так: я просил вас представить себе две книги. Возможно, многие из вас сделали это, совершили некий акт воображения, и перед вами возникла мысленная картина. Совершенно очевидно, что он был причиной, она - следствием, результатом. Но это не значит, что вы сначала вообразили, а потом получили картину. В тот самый момент, когда начало действовать ваше воображение, она возникла перед вашим мысленным взором. Все это время ваша воля удерживала ее перед вами. Однако акт воли и картина начались в один и тот же момент и прекратились в одно время. Если бы был Кто-то, живущий вечно, и если бы Он вечно представлял в Своем воображении одно и то же существо, то постоянно создавался бы какой-то мысленный образ, который был бы таким же вечным.

Я полагаю, именно так мы и должны думать о Сыне, Который постоянно струится от Отца, как струится свет от лампы, или тепло от огня, или мысль из головы. Он - самовыражение Отца, то, что Отец хочет сказать, и во всей вечности не было мгновенья, когда бы Отец не произносил Своего Слова.

Заметили вы, что происходит? Все эти примеры света и тепла создают впечатление, что Отец и Сын - это две субстанции, а не две Личности. Очевидно, образ Отца и Сына, который дает нам Новый Завет, гораздо более точен, чем любые иллюстрации, которыми мы пытаемся его подменить.

И так случается всякий раз, когда вы отходите от того, что сказано в Библии. Вполне оправданно отойти от текста, чтобы лучше понять то или иное. Но потом к нему надо вернуться. Бог, естественно, гораздо лучше знает, как описать Самого Себя, чем любой из нас. Он знает, что отношения Отца и Сына следует, скорее всего, описывать как отношения между Первой и Второй Личностями, а не как что-то иное, придуманное нами. Самое главное в том, что это - отношения любви. Отец находит радость в Сыне, Сын преданно любит Отца. Прежде, чем мы пойдем дальше, обратите внимание на огромную важность этих слов.

Самым разным людям нравится повторять христианское изречение: "Бог есть любовь". Но они как будто не замечают, что слова эти имеют смысл только в том случае, если Бог включает в Себя, по крайней мере, две личности. Ведь Любовь - это что-то такое, что одно лицо испытывает к другому. Если бы Бог был существом в одном лице, тогда, до того как Он создал мир, Он не был бы любовью. Очевидно, когда говорят: "Бог есть любовь", люди имеют в виду что-то иное, а именно: "любовь есть Бог". Они, видимо, считают, что наше чувство любви, независимо от того, как и где оно возникает и к каким результатам приводит, следует почитать. Возможно, они и правы; но христиане совершенно иначе понимают слова "Бог есть любовь". Они верят, что живая, динамичная энергия любви действует в Боге вечно и именно она - источник всего сущего.

В этом, возможно, самое главное отличие христианства от всех остальных религий: Бог - не статичное существо и даже не просто личность. Это динамичная, живая, пульсирующая энергия, что-то почти драматическое, что-то (пожалуйста, не считайте меня непочтительным) подобное танцу. Единство между Отцом и Сыном настолько живо и реально, что это единство само Личность. Я знаю, это звучит почти невыносимо, но взгляните на это иначе. Когда люди собираются вместе в клубе или в профсоюзе, возникает "дух" семьи, или клуба, или профсоюза. Люди говорят об этом духе, ибо когда

они собираются вместе, то вырабатывают особую манеру вести себя, которая не была бы им свойственна, если бы они оставались разрозненными. (Это коллективное поведение может быть, конечно, и лучше, и хуже, чем поведение индивидуальное.) Словом, объединение людей как бы вызывает к существованию коллективную личность. Это, естественно, не личность в буквальном смысле слова, а подобие личности. Но в том-то и заключается одно из различий между Богом и нами. То, что возникает из объединенной жизни Отца и Сына - Личность, Третье Лицо Троицы, которое есть Бог.

На профессиональном, теологическом языке это Третье Лицо называется Святым Духом, или Духом Божьим. Не волнуйтесь и не удивляйтесь, если обнаружите, что ваше представление о Нем более туманно и неясно, чем представление о первых двух Лицах Троицы. Я думаю, на это есть вполне законная причина. В процессе своей христианской жизни вы, как правило, не смотрите на Него; это Он постоянно действует через вас. Если вы думаете об Отце как о Том, Кто рядом с вами, помогая вам молиться и стараясь превратить вас еще в одного сына Божьего, то о Третьем Лице вы должны думать как о ком-то, кто внутри или позади вас. Возможно, для некоторых людей проще начать с Третьего Лица и двигаться от Него в обратном направлении: Бог есть любовь, и эта любовь действует через людей, особенно через всю совокупность христиан вместе взятых. Но дух любви, от самой вечности - любовь между Отцом и Сыном.

Какое же все это имеет значение для нас? Самое большое на свете. Всю эту драму, или образ жизни Троицы, надо проиграть через каждого из нас. Или (если взглянуть с противоположной стороны) каждый из нас должен приблизиться к этому образу жизни, занять свою позицию в драме. Счастья, для которого мы созданы, не достичь иным путем. Все хорошее, как и плохое, подвержено воздействиям извне. Если вы хотите согреться, вы должны стать поближе к огню. Если хотите намокнуть, вы должны войти в воду. Если вы стремитесь к радости, силе, миру, вечной жизни, вы должны подойти ближе или даже войти в то, что всем этим обладает. Радость, сила, мир, бессмертие - не награды, которые Бог мог бы, если бы захотел, протянуть любому. Это величайший источник энергии и красоты, бьющий в самом центре действительности. Если вы близко от него, брызги его достигнут вас; если нет - останетесь сухим. Если человек соединен с Богом, то как ему не жить вечно? И как может человек, разделенный с Богом, не засохнуть и не умереть?

Но как он соединится с Богом? Как нам с вами влиться в триную жизнь? Вы помните, что я сказал во второй главе о рождении и создании? Мы с вами не рождены Богом, мы только созданы Им; в нашем естественном состоянии мы не сыны Божьи, мы всего лишь статуи. В нас нет зoe, или духовной жизни; у нас есть только биос, биологическая жизнь, которая неизбежно движется к угасанию и смерти. Но христианство говорит: мы можем, если не станем противиться Божьей воле, принять участие в жизни Христа. Если это случится, мы станем соучастниками той жизни, которая рождена, а не создана, которая была всегда и всегда будет. Христос - Божий Сын. Если мы войдем в Его жизнь, то станем Божьими детьми. Мы будем любить Отца, как любит Он, и Святой Дух будет пребывать в нас. Христос пришел в этот мир и стал человеком для того, чтобы распространить среди других людей ту высшую форму жизни, которая присуща Ему Самому. Я называю это "благодетельной инфекцией". Каждый христианин должен стать маленьким Христом. Именно это и значит "быть христианином".

5. Упрямые оловянные солдатики

Сын Божий стал человеком для того, чтобы наделить людей способностью стать Божьими детьми. Мы не знаем - по крайней мере, я не знаю, - что случилось бы, если бы человеческий род не восстал против Бога и не присоединился к вражескому стану. Возможно, тогда каждый человек пребывал бы во Христе, был бы соучастником Его жизни с рождения. Возможно, биос, или естественная жизнь, устремлялась бы тогда в зoe, то есть в высшую, несотворенную жизнь, с самого своего зарождения, непрерывно, по мере роста. Но все это только догадки. А нам с вами хочется узнать, как обстоят дела сейчас.

Вот как: два вида жизни не только разнятся между собой (они и были бы различны), но противоположны друг другу. Естественная жизнь в каждом из нас эгоцентрична, она требует внимания к себе и восхищения собою. Ей присуща склонность добиваться преимущества за счет других жизней, эксплуатировать все мироздание. А больше всего эта жизнь хочет, чтобы ее предоставили ей самой и она могла держаться в стороне от всего, что лучше, или сильнее, или выше, чем она, то есть в стороне от всего, перед чем она чувствует себя маленькой и незначительной. Она боится духовного света и воздуха, как люди, выросшие в грязи, боятся ванны. В каком-то смысле эта жизнь права. Она знает, что, если духовная жизнь вовлечет ее в свою орбиту, вся ее эгоцентричность, все ее своеволие будут убиты. И потому она готова сражаться до последнего, чтобы этого избежать.

Думали ли вы когда-нибудь в детстве о том, как было бы интересно, если бы ваши игрушки ожили? Что ж, давайте представим, что вы на самом деле оживили их. Вот на ваших глазах оловянный солдатик превращается в человечка. Олову пришлось бы стать плотью; но вообразите, что оловянному солдатику это не нравится. Ему кажется, что олово испорчено. Он думает, что вы убиваете его. Он сделает все, что в его силах, чтобы вам помешать. Его не удалось бы переделать в человека, если бы это зависело от него.

Я не знаю, что сделали бы вы с таким оловянным солдатиком. Но с нами Бог сделал вот что: Второе Лицо Божественного Троиства, Сын, Сам стал человеком. Он родился в мир, как рождается настоящий человек - реальный человек определенного роста, с определенным цветом волос, говорящий на определенном языке, весящий столько-то килограммов. Он, Вечносущий, Который знает все и Который сотворил Вселенную, стал не только человеком, но младенцем, а перед тем - зародышем в теле женщины. Если вы хотите понять, что это для Него значило, подумайте о том, как бы понравилось вам стать слизнем или крабом.

Так в нашей человеческой семье появился Человек, Который был всем тем, чем предназначалось быть людям, - человеком, в котором созданная жизнь, унаследованная от Матери, позволила превратить себя полностью и совершенно в жизнь рожденную. Человечество в один миг достигло, так сказать, пункта своего назначения - перешло в жизнь Христа. И поскольку трудность для нас в особом умерщвлении естественной жизни, Он избрал для себя такой жизненный путь, который убивал на каждом шагу Его человеческие желания. Он познал нищету, непонимание семьи, предательство одного из близких друзей; Он подвергался преследованиям и глумлению, умер под пытками. А после того, как Он был убит - как Его убивали каждый день, - человеческое существо в Нем, благодаря Своему органическому единству с Божьим Сыном, снова возродилось к жизни. Человек в Христе поднялся из мертвых. Человек, не только Бог! В этом вся суть. В первый раз мы увидели настоящего человека. Один оловянный солдатик - такой же оловянный, как все, - победил и ожил.

И здесь мы подходим к той точке, в которой мой пример уже не действует. В случае с игрушечными солдатиками то, что один из них оживает, не имеет абсолютно никакого значения для остальных. Все они существуют отдельно, независимо друг от друга. Но с людьми все обстоит иначе. Они лишь выглядят отдельными организмами, потому что вы видите, как они двигаются и действуют вне всякой связи друг с другом. Однако мы созданы так, что можем видеть только настоящее.

Если бы мы могли видеть прошлое, все выглядело бы совсем по-другому. Каждый человек был когда-то частью своей матери, еще раньше - частью отца, а те, в свою очередь, были частью его дедушек и бабушек. Если бы мы могли видеть человечество на протяжении времени, как видит его Бог, оно выглядело бы для вас не как масса отдельных точек, разбросанных тут и там, а как единый растущий организм, больше всего похожий на гигантское, необычайно сложное дерево. Вы увидели бы, что каждый человек связан со всеми другими. И не только это. Каждый из нас отделен от Бога не больше, чем отделены мы друг от друга. Каждый мужчина и женщина, каждый ребенок в мире чувствует и дышит сейчас, в этот самый момент, только потому, что Бог поддерживает в нем жизнь. Следовательно, когда Христос стал человеком, это было не то же самое, как если бы ожил

оловянный солдатик. Скорее о явлении Его в мир можно рассказать так: нечто, постоянно воздействующее на все человечество, в определенный момент начало по-новому оказывать влияние на всех людей. Влияние это распространяется на тех, кто жил до Христа той поры, и на тех, кто жил после Него, и даже на тех, кто никогда о Нем не слышал, подобно тому, как одна капля какого-то вещества, упавшая в стакан, придает новый вкус и новый цвет всей воде. Безусловно, ни одна из этих иллюстраций не отражает сколько-нибудь полно истинного положения вещей. Бог ни с чем не сравним. Он творит вещи, которым нет ничего подобного, и вы едва ли можете рассчитывать, что обнаружите такое подобие.

Как же изменил Он человечество? Он превратил человека в сына Божьего, существо сотворенное - в существо рожденное; временную биологическую жизнь - во вневременную, духовную. И все это ради нас и для нас. В принципе, человечество уже спасено. Мы, отдельные люди, просто должны воспользоваться этим спасением, каждый человек - сам. Но наиболее трудная часть процесса - та, которую мы не в состоянии выполнить сами, сделана за нас. Нам незачем своими силами забираться в духовную жизнь. Эта жизнь уже спустилась к человеческой семье. Если только мы откроем сердце Человеку, в Котором эта жизнь присутствует во всей полноте и Который, будучи Богом, в то же время настоящий человек. Он совершит это в нас и за нас. Помните, что я сказал о "благотворной инфекции"? Один из представителей нашей человеческой семьи обладает этой новой жизнью; если мы подойдем к Нему ближе, то заразимся от Него.

Вы, конечно, можете выразить то же самое иначе. Вы можете сказать, что Христос умер за наши грехи. Или что Отец простил нас, ибо Христос совершил за нас то, что надлежало сделать нам самим. Или что мы омыты кровью Агнца. Вы можете сказать, что Христос победил смерть. И все это верно. Примите ту из этих формул, которая вам по душе. Только не начинайте при этом ссориться с людьми из-за того, что они отдали предпочтение другой.

6. Два примечания

Я хотел бы дать здесь примечания к двум вопросам, возникшим в последней главе.

1. Один рассудительный человек пишет: "Если Бог хотел, чтобы у Него вместо игрушечных солдатиков были сыновья, почему же Он не родил сыновей сразу, вместо того, чтобы создавать игрушечных солдатиков, а потом подвергать их столь трудному и болезненному процессу"?

Частично ответить на этот вопрос довольно просто; ответ на другую его часть, возможно, за пределами человеческого познания. Отвечу на легкую часть. Превратить это создание в сына было бы нетрудно и не болезненно, если бы человеческая семья не отвернулась от Бога тысячелетия тому назад. У людей была возможность сделать это, потому что Бог дал им свободу воли. Он дал им свободную волю потому, что мир простых автоматов никогда бы не смог познать любви, а следовательно, - истинного, безграничного счастья.

Трудная часть ответа - такая: все христиане согласны, что в полном, первоначальном смысле слова есть только один Сын Божий. Настаивая на своем вопросе: "А могло ли быть у Бога много сыновей?", - мы рискуем забраться в такие дебри, из которых выбраться не сумеем. Есть ли вообще в словах "А могло бы..." какой-нибудь смысл, когда вопрос касается Бога? Я полагаю, что так спрашивать можно о вещи или явлении, имеющих начало и конец, потому что она (или оно) могли быть иными из-за того, что какая-то другая вещь (или явление) были иными, а эти, в свою очередь, могли быть иными по той причине, что иной была какая-то третья вещь. И так далее (буквы на этой странице могли быть красными, если бы печатник взял красную типографскую краску, и он взял красную краску, если бы получил соответствующую инструкцию, и т.д. и т.п.). Но когда речь идет о Боге - то есть о первооснове, о неизменяемой реальности, которая обуславливает все остальные реальности, явления, факты, то спрашивать, могло ли что-то обстоять иначе, бессмысленно. Он - То, что Он есть, и этим все исчерпано.

Но и помимо этого мне очень трудно осмыслить Бога, рождающего сыновей на протяжении вечности. Для того чтобы этих сыновей было много, они должны как-то отличаться друг от друга. Два пенса выглядят совершенно одинаково. Почему же их два? Очевидно, потому, что они - в разных местах и состоят не из одних и тех же атомов. Иными словами, чтобы говорить о них как об отдельных, разных единицах, мы должны прибегнуть к таким понятиям, как пространство и материя, то есть к сотворенной Вселенной. Я могу понять различие между Отцом и Сыном, не вовлекая в дело пространства или материи, потому что в этом случае один рождает, а другой рождается. Отец по отношению к Сыну будет не тем, чем Сын - по отношению к Отцу. Но если бы существовало несколько сыновей и родственное их отношение друг к другу и к Отцу было одинаковым, как бы они отличались друг от друга? С первого взгляда этого, конечно, не замечают. Люди считают, что мысль о нескольких сыновьях вполне разумна. Однако когда я задумываюсь глубже, то прихожу к выводу, что реальной она выглядит только потому, что мы смутно представляем этих сыновей в виде людей, стоящих друг подле друга в каком-то пространстве. Иначе говоря, хотя нам и кажется, что мы думаем о чем-то, существовавшем до сотворения Вселенной, на самом деле мы контрабандой пытаемся ввести сотворенную Вселенную и поместить сыновей внутри нее. Когда мы перестаем это делать, но все еще стараемся думать об Отце, рождающем многих сыновей до сотворения мира, то обнаруживаем, что, в сущности, думаем ни о чем. Образы тают, а сама идея обращается в набор слов. Потом возникает другая мысль: а не была ли Природа - пространство, время, материя - создана именно для того, чтобы сделать эту множественность возможной? Может быть, единственный путь получить "легионы" бессмертных духов - предварительно создать множество физических существ во Вселенной и потом одухотворить каждое из них? Но все это, конечно, догадки.

2. Представляя все человечество в виде единого огромного организма, подобного дереву, не следует думать, будто это свидетельствует о том, что индивидуальные различия не имеют значения или что реальные люди - Том, Нобби или Кэт - менее важны, чем такие коллективные понятия, как классы или расы. Фактически эти понятия противоположны друг другу. Отдельные части единого организма могут очень сильно отличаться одна от другой, а отдельные элементы, не входящие в один организм, могут быть похожи друг на друга. Шесть однопенсовых монет никак не связаны между собой, но выглядят одинаково. Мой нос и мои легкие по виду своему совершенно несхожи, но живут они только благодаря тому, что входят в состав моего организма и принимают участие в его жизни. Христианство рассматривает отдельных людей не просто как членов одной группы или отдельные предметы в перечне, но как органы единого тела, которые отличаются друг от друга, и каждый выполняет то, чего другие выполнить не могут. Когда вы ловите себя на желании сделать своих детей, или учеников, или соседей подобными вам во всем, вспомните, что Богу, скорее всего, это совсем не нравится. Вы и они - это отдельные органы, предназначенные для выполнения различных функций. С другой стороны, если у вас возникает искушение не обращать внимания на чужие нужды, потому что это не "ваше дело", вспомните: хотя другие и не похожи на вас, они - часть того же самого организма. Если вы забываете, что любой человек принадлежит к одному с вами организму, вы станете индивидуалистом. Если же вы забываете, что другой - не тот же орган, что вы, и пытаетесь подавить всякое различие между людьми, чтобы все были одинаковыми, то станете тоталитаристом. Между тем христианин ни индивидуалистом, ни тоталитаристом быть не должен.

Мне очень хочется сказать вам - и вы хотите сказать мне, - какая из этих ошибок опаснее. Но это бес морочит нас. Он всегда посылает в мир ошибки парами, состоящими из двух противоположностей, и побуждает нас тратить как можно больше времени, размышляя о том, какая хуже. Вы, конечно, понимаете, почему? Он полагается на нашу неприязнь к одной из ошибок, чтобы постоянно привлекать нас к противоположной. Но мы не должны потакать ему. Мы должны трезво идти к цели между соблазнами той и другой ошибки, стараясь не впасть ни в одну.

7. Воображение

Позвольте мне и эту главу начать двумя примерами, точнее, напомнить вам две истории, над которыми я попрошу вас задуматься. Одну из них - сказку "Аленький цветочек" - вы все читали. В этой сказке девушка должна была почему-то выйти замуж за чудище. И она это сделала. Но прежде она поверила в любовь этого чудища, испытала его доброту и сама попыталась ответить любовью. Когда она поцеловала чудище, словно оно - человек, то, к великому ее облегчению, прямо на глазах чудище и на самом деле немедленно превратилось в прекрасного юношу.

Другая история рассказывает о человеке, которому пришлось носить маску. В этой маске он был гораздо привлекательнее, чем без нее. Носил он ее несколько лет, и когда наконец снял, то обнаружил, что лицо приняло очертания маски. Он стал красивым. То, что было вначале притворной, ненастоящей красотой, стало реальным.

Я думаю, обе эти истории могут (в иносказании, конечно) проиллюстрировать то, о чем я собираюсь сейчас с вами говорить. До сих пор я старался описывать факты - кто такой Бог, что Он сделал. Теперь я хочу перейти к вопросу практическому: что должны делать мы? Какой смысл имеет для нас вся эта теология? Возможно, мы это скоро уже почувствуем. Если вам достало интереса дочитать досюда, надеюсь, вам хватит его и на то, чтобы сделать еще один шаг - помолиться. Что бы вы ни сказали, вы вероятно, повторите и слова той молитвы, которой научил нас Господь.

Помните, как она начинается? "Отче наш". Сейчас вы уже знаете, что эти слова значат. Они недвусмысленно свидетельствуют о том, что вы ставите себя в положение сына Божьего. Иными словами, вы облакаетесь в Христа, так сказать, воображаете себя Христом. В тот самый момент, когда до вас доходит смысл этих слов, вы начинаете понимать, что на самом деле вы - не сын Божий. Вы совсем не такой, как Сын, Чьи интересы, Чья воля абсолютно едины с интересами и волей Отца. Вы - комок сосредоточенных на самом себе страхов, надежд, жадности, зависти и самолюбия. И все это, вся ваша сущность, обречено на смерть. То, что вы берете на себя смелость уподобляться Христу - возмутительно и самонадеянно. Но, странное дело, именно так Он и приказал нам делать. Почему? Что за смысл выдавать себя за кого-то или за что-то иное? Однако даже на человеческом уровне существуют, как вы знаете, два рода притворства - плохое и хорошее. В первом случае человек пытается кого-то обмануть: например, он притворяется, будто помогает вам, вместо того чтобы помочь на самом деле. А вот второй, полезный вид притворства ведет к чему-то настоящему. Например, вам не хочется проявлять дружелюбие к Х., но вы знаете, что должны его проявить; в таком случае правильнее всего вести себя так, словно вы лучше, чем на самом деле. И через некоторое время вы действительно почувствуете к Х. расположение.

Всем нам это знакомо. Очень часто мы не ощутим чего-то, если не поведем себя так, как если бы уже ощутили. Вот почему игры так важны для детей. Они ведь постоянно притворяются, будто они взрослые, - играя в войну или в магазин. Но с каждым разом мускулы их становятся тверже, а разум - острее, так что притворство помогает им расти на самом деле.

И дальше. Когда вы сознательно скажете себе: "Вот, я воображаю, будто я Христос", - вы, скорее всего, тут же почувствуете, как сделать это ваше "притворство" не столь явным, хоть чуточку приблизить его к реальности. Вы думаете о таких вещах, о которых не думали бы, если бы действительно были сыном Божиим; что ж, постарайтесь прогнать эти мысли. Или, быть может, вы внезапно поймете, что сейчас - надо не читать молитвы, а сесть за стол и написать письмо матери или отправиться на кухню и помочь жене, которая моет посуду. Поднимитесь и сделайте то, что вам подсказывает внутренний голос.

Видите, что происходит? Сам Христос, Сын Божий, человек (такой же, как мы с вами) и Бог (такой же, как Его Отец), находится рядом и уже обращает воображение в реальность. И это не высокопарные слова, выражающие лишь ту мысль, что это ваша совесть подсказывает вам. Если вы прямо спросите вашу совесть, вы получите один ответ. Если

вы помните, что вы воображаете себя Христом, ответ будет иной. Существует множество вещей, которые совесть не осудит прямо (особенно когда вы обдумываете), но вы их сразу отвергаете, если серьезно стараетесь подражать Христу. Ведь тогда вы не просто будете думать о том, что хорошо, а что плохо - вы постараетесь подхватить от Него "благотворную инфекцию". Так пишут портрет, а не подчиняются правилам. Интересно, что в некотором отношении это труднее, чем правила, зато в другом - гораздо легче.

Настоящий Сын Божий будет рядом с вами. Он начинает превращать вас в существо, подобное Самому Себе. Он начинает, так сказать, "прививать" вам Свой образ жизни и мыслей, вливать в вас присущую Ему зoe. Он начинает превращать оловянного солдата в живого человека. И конечно, та часть в вас, которая все еще остается оловянной, будет этому противиться.

Некоторые из вас могут заметить, что ничего подобного не испытывали. Вы можете сказать: "У меня никогда не было чувства, будто мне помогает невидимый Христос, зато люди часто мне помогали". Тут мне вспоминается анекдот из времен первой мировой войны об одной женщине, которая сказала: "Нашу семью не волнуют перебои с хлебом, мы все равно едим только гренки". Если у вас нет хлеба, то не будет и гренков. Если бы не помогал Христос, вы не увидели бы и помощи от людей. Он действует на нас самыми разными путями, а не только в рамках "религиозной жизни". Он действует через природу, через наши тела, через книги, иногда - через чувства, которые на первый взгляд могут показаться антихристианскими. Когда молодой человек, который ходил в церковь по привычке, поймет со всей искренностью, что он не верит в христианское вероучение, и перестанет в нее ходить, то, если его побуждает честность, а не желание поступить наперекор родителям, дух Христа, возможно, ближе к нему, чем прежде.

Но чаще всего Его Дух действует на нас через наше общение друг с другом. Люди - это зеркала, или "переносчики" Христа. Иногда они и сами об этом не подозревают. "Благотворную инфекцию" могут переносить и те, кто ею не заражен. Мне, например, помогли прийти к христианству люди, которые сами не были христианами. Но, как правило, именно те, которые знают Его, приводят к Нему других. Вот почему роль Церкви, этой совокупности всех христиан, открывающих Его друг другу, настолько важна. Не будет преувеличением сказать, что в двух христианах, следующих вместе за Христом, христианство возрастает не в два, а в шестнадцать раз.

Не забывайте, для грудного младенца естественно сосать молоко, не зная матери. Вот и для нас поначалу естественно видеть человека, который помогает нам, и не видеть стоящего за ним Христа. Однако мы не должны оставаться младенцами. Мы должны идти вперед, должны понять, Кто посылает нам помощь. Не увидеть и не понять этого - просто безумие. Тогда нам осталось бы полагаться на людей; а это рано или поздно приведет к великому разочарованию. Даже лучшие из них допускают ошибки, и всем суждено умереть. Мы должны быть благодарны каждому из тех, кто оказал нам помощь, мы должны уважать и любить их, но никогда не полагаться абсолютно и безраздельно ни на одного человека, пусть это будет самый лучший, самый мудрый человек на свете. Можно сделать много прекрасных вещей из песка, только не пытайтесь строить на нем дом.

А теперь мы хоть немного видим то, о чем постоянно говорит Новый Завет. Он говорит о христианах, "рожденных вновь"; о людях "облекшихся в Христа"; о том, что Христос "изображается в нас", а мы обретаем "ум Христов". Сразу же отрешитесь от мысли, что все это - лишь сложная метафорическая форма, а выражает она просто, что христиане должны читать сказанное Христом и, по мере сил, этому следовать, подобно тому как читают Платона или Маркса и стараются воплотить их идеи. Мысль в разной форме, но постоянно встречающаяся в Новом Завете значит гораздо больше: реальный Христос - здесь, сейчас, в этой комнате, где вы молитесь - делает что-то для вас и с вами. Причем речь идет не о прекрасном человеке, умершем две тысячи лет тому назад, а о живом Человеке, все еще Человеке в такой же степени, как и вы, но и Боге в такой же степени, в какой Он был Им, когда создавал мир. И вот этот живой Богочеловек приходит к вам и начинает трудиться над вашим сокровенным, внутренним "я", убивает ваше старое "я" и заменяет его другим, таким, каким обладает Он Сам. Вначале - на несколько мгновений.

Потом - на более долгий срок. И наконец, если все идет хорошо, Он навсегда обращает вас в существо совершенно другого сорта - в нового маленького Христа, в существо, которое по-своему, пропорционально своим возможностям обретает тот же род жизни, который присущ Богу; в существо, которое разделяет силу Бога, Его радость, знание и бессмертие. Немного погодя, мы делаем два других открытия.

1. Мы начинаем замечать не только наши греховные поступки, но и нашу греховность. Другими словами, нас начинает беспокоить не только то, что мы делаем, но и то, какие мы. Это звучит сложновато, и я постараюсь выразить ту же мысль яснее, прибегнув к личному своему примеру. Когда я готовлюсь к вечерней молитве и стараюсь припомнить все совершенные за день грехи, в девяти случаях из десяти самым очевидным будет нарушение заповеди о любви к ближнему: я или сердился, или кричал и возмущался. И в моем уме сразу же возникает оправдание: меня спровоцировали; со мной заговорили неожиданно; меня застали врасплох; у меня не было времени собраться с мыслями. Это как будто служит смягчающим обстоятельством: все могло быть гораздо хуже, если бы я так сделал сознательно, предварительно обдумав.

С другой стороны, то, что человек делает, когда его застанут врасплох, - лучшее доказательство того, какой он. То, что срывается с языка, прежде чем вы успеете подавить свой порыв, выдает вашу истинную суть. Если в подвале водятся крысы, то больше всего шансов увидеть их, если вы войдете туда внезапно. Но не внезапность порождает крыс; она только мешает им вовремя скрыться. Точно так же не внезапность повода или предлога делает меня вспыльчивым; она лишь обнаруживает мою вспыльчивость. Крысы в подвале живут постоянно, но если вы будете входить туда с криками и шумом, они спрячутся, прежде чем вы включите свет.

Очевидно, крысы противоборства и мстительности постоянно бытуют и в подвале моей души. В этот подвал не может проникнуть моя сознательная воля. До определенного предела я контролирую свои действия, но над моим темпераментом прямого контроля у меня нет. А если то, какие мы, важнее, чем наши поступки; если наши поступки важны (главным образом) постольку, поскольку показывают, кто мы, из этого следует, что перемену, которой мне предстоит подвергнуться, не могут произвести мои собственные усилия. Это относится и к хорошим поступкам. Много ли я совершил их под воздействием добрых побуждений? Сколько раз я просто боялся общественного мнения или хотел показать себя с хорошей стороны? Сколько из них совершено из упрямства или превозношения, которые при других обстоятельствах могли привести меня к плохим поступкам? Я не способен прямым нравственным усилием пробудить в себе новые стимулы. Сделав всего несколько шагов по дороге христианства, мы начинаем понимать, что все необходимые перемены внутри наших душ может произвести только Бог. И это подводит нас к тому, что в моей передаче до сих пор не совсем верно отражало истину.

2. Из моих слов могло создаться впечатление, что именно мы сами все и совершаем. В действительности же все изменения совершает Бог. Мы в лучшем случае не противимся тем переменам, которые Он производит в нас. В каком-то смысле вы даже можете сказать, что это не мы, а Бог прибегает к воображению. В самом деле, Трехликий Бог видит перед Собой жадное, ворчливое, непокорное существо. Но Он говорит: "Давайте вообразим, что это не простое существо, а Наш сын. Это существо похоже на Иисуса в том смысле, что Иисус тоже человек. Он ведь стал Человеком. Давайте вообразим, что человек подобен Христу и по духу, и будем обращаться с ним, как если бы это соответствовало истине, хотя на самом деле это не так. Но мы представим себе, что наше воображение стало действительностью".

Бог смотрит на нас как на маленького Христа; Христос стоит рядом, чтобы помогать нам, когда мы превращаемся в Него. Идея о Божьей игре в воображение звучит на первый взгляд странно. Но странно ли это? Разве не именно так существа более высокого порядка воспитывают тех, кто ниже? Мать учит ребенка говорить, беседуя с ним, словно он ее понимает, задолго до того, как он начнет понимать ее. Мы обращаемся с нашими собаками, как с людьми. Вот почему в конце концов они становятся "почти как люди".

8. Легко ли быть христианином?

В предыдущей главе мы говорили о том, как "облечься в Христа" или как представлять себя сыном Божиим, чтобы в конце концов стать им по-настоящему. Теперь я хочу ясно сказать, что это не просто одно из занятий, которым должен предаваться христианин, и не своего рода упражнение, необходимое для перехода в следующий класс. В этом - смысл и суть христианства. Ничего иного оно не предлагает. И я хотел бы показать, в чем тут отличие от обычных идей морали и добра.

Обычное представление, которое мы все разделяем еще до того, как станем христианами, состоит в следующем. Мы берем наше обыкновенное "я" с его разнообразными желаниями и интересами. Потом мы признаем, что что-то еще - назовите это "моралью", или "правилами поведения", или "соображениями общественного блага" - предъявляет к нему требования и они вступают в конфликт с его собственными желаниями. "Быть хорошим" - значит, по-нашему, уступать этим требованиям. Некоторые вещи, которые нашему "я" хотелось бы сделать, оказываются тем, что мы называем "злом". Что ж, в таком случае мы должны отказаться от них. Другие, которые нашему "я" делать не хочется, напротив, оказываются тем, что мы называем "добром", - и нам приходится их делать. Но мы все время надеемся, что, когда мы выполним все эти требования, у нашего бедного "я" еще останутся возможность и время исполнить свои собственные желания, пожить своей жизнью, в свое удовольствие. Собственно, мы очень похожи на честного человека, платящего налоги. Он добросовестно платит их, но при этом надеется, что у него останется достаточно денег, чтобы безбедно прожить на них. Все это происходит по той причине, что за исходную точку мы принимаем наше обычное "я". Пока мы думаем так, мы чаще всего приходим к одному из двух результатов. Либо мы отказываемся от стараний "быть хорошими", либо превращаемся в людей по-настоящему несчастных. Почему? Потому что (не заблуждайтесь!), если вы действительно собираетесь выполнять все предъявляемые вам требования, то у вашего "я" не останется ни времени, ни сил, чтобы жить для себя. Чем больше вы прислушиваетесь к голосу совести, тем больше этот голос от вас требует. Ваше природное "я", которое страдает от голода, все время натывается на препятствия и сгибается под бременем, начнет наконец возмущаться все больше и больше. Вот почему вы либо прекратите эти старания, либо превратитесь в одного из тех, которые, по их словам, "живут для других", но при этом всегда недовольны и постоянно на все ворчат, вечно удивляясь, почему "другие" не замечают их самопожертвования, их непрестанного мученичества. Когда вы превратитесь в такое существо, то станете куда невыносимее для окружающих, чем если бы оставались откровенным эгоистом.

Христианство предлагает иной путь. Этот путь и труднее, и легче. Христос говорит: "Отдайте Мне *все*. Мне не нужно столько-то вашего времени, столько-то ваших денег или вашего труда; Я хочу *вас*. Я пришел не для того, чтобы мучить ваше природное "я", но для того, чтобы умертвить его. Никакие полумеры здесь не помогут. Я не хочу отрубить ветку здесь, ветку там, Я хочу срубить все дерево. Я не хочу сверлить зуб, или ставить на него коронку, или заполнять в нем дупло. Я хочу удалить его. Передайте Мне все ваше "я" безраздельно, со всеми желаниями, и невинными, и порочными, полный набор. Я дам вам взамен новое "я". Собственно, Я дам Самого Себя, и все Мое станет вашим".

Это и труднее, и легче, чем то, что стараемся делать мы. Я надеюсь, вы заметили, что Сам Христос иногда описывает христианский путь как очень трудный, а иногда - как очень легкий. Он говорит: "Возьми свой крест", то есть как бы призывает к мученической смерти в каком-нибудь концлагере. Но тут же Он говорит: "...иго Мое благо, и бремя Мое легко". Нетрудно понять, почему и то, и другое правда.

Учителя могут сказать вам, что самый ленивый ученик в классе - тот, кто работает упорнее всех в конце учебного года. Они не шутят. Если вы дадите двум ученикам доказать какую-то геометрическую теорему, тот, кто готов приступить к делу, постарается понять ее. Ленивый ученик пытается зазубрить ее на память, потому что сейчас, вот сейчас на это уйдет меньше усилий. Но шесть месяцев спустя, когда они начнут готовиться к экзаменам, лентяю придется провести много мучительных часов над тем, что прилежный ученик легко и с удовольствием выполнит за несколько минут. В конце концов лентяю приходится работать больше. Или давайте взглянем на это с другой стороны. В

сражении или при восхождении на гору порой необходимо сделать что-то очень трудное; то, что требует усилий и мужества. Однако это же обеспечит самую верную безопасность. Если вы этого не сделаете, то через несколько часов окажетесь в большей опасности. Трусливый поступок будет и самым неразумным.

Именно так обстоит дело в христианстве. Ужасно, почти невозможно отдать себя - все свои желания, все заботы о себе в руки Христа. Но это гораздо легче, чем то, что стараемся делать мы. Ведь мы стараемся остаться "самими собою", не отказываемся от личного счастья как от главной своей цели, и в то же время пытаемся быть "хорошими". Мы стараемся не препятствовать уму своему и сердцу, когда они сосредоточиваются на мечтах о богатстве, на честолюбивых планах, на стремлении к удовольствиям - и надеемся, несмотря на это, вести себя честно, целомудренно и скромно. Именно против этого предостерегал нас Христос. Он говорил, что смоквы не растут на терновнике (3). Поле, засеянное травой, не принесет урожая пшеницы. Если вы будете регулярно косить траву, вам удастся сохранить ее короткой. Но пшеницы на этом поле все-таки не будет. Чтобы оно дало пшеницу, надо его изменить - глубоко перепахать и засеять заново. Вот почему подлинная проблема христианской жизни возникает там, где люди обычно не думают столкнуться с ней. Возникает она в то самое мгновение, когда мы просыпаемся поутру. Все наши желания и надежды, связанные с новым днем, набрасываются на нас как дикие звери. А наша первая обязанность - в том, чтобы попросту прогнать их; мы должны прислушаться к другому голосу, принять другую точку зрения, позволить, чтобы нас заполнил поток другой, более великой, более сильной и более спокойной жизни. И так целый день: мы сдерживаем свои естественные капризы и волнения, вступаем в полосу, защищенную от ветра.

Вначале, обретая такое состояние духа, вы сумеете сохранить его лишь несколько минут. Но в эти минуты по всему нашему физико-духовному организму распространяется жизнь нового типа, потому что мы позволяем Христу совершать в нас работу. Есть разница между масляной краской, которая покрывает только поверхность, и красителем, пропитывающим предмет насквозь. Христос никогда не произносил неясных идеалистических фраз. Говоря: "Будьте совершенны", Он имел в виду именно это. Он подразумевал, что мы должны пройти полный курс лечения. Это трудно; но компромисса, которого мы жаждем, достичь несравненно труднее, это просто невозможно. Яйцу, вероятно, трудно превратиться в птицу; однако ему несравненно труднее научиться летать, оставаясь яйцом. Мы с вами подобны яйцу. Но мы не можем бесконечно оставаться обыкновенным, порядочным яйцом. Либо мы вылупимся из него, либо оно испортится.

А теперь позвольте мне повторить то, что я сказал прежде: в этом и состоит все христианство; больше в нем нет ничего. Допускаю, что это может вызвать недоумение. Ведь так очевидно, что у церкви множество других забот - образование, возведение новых зданий, миссионерская работа, службы. Очевидно и то, что многими заботами обременено государство: это и оборона, и политика, и экономика, и многое другое. Но на самом деле все гораздо проще. Государство существует лишь для того, чтобы обеспечивать и защищать обычное человеческое благополучие. Муж и жена беседуют у камина, друзья играют в карты и пьют, человек читает книгу в своей комнате или работает в своем саду, - а государство их защищает. Все законы, парламенты, армии, суды, полиция, экономика имеют смысл только в том случае, если они помогают все это продлить и охранить. Иначе они оборачиваются лишь тратой времени и денег.

Что касается церкви, то она существует только для того, чтобы привлекать людей к Христу, формировать из них маленьких Христов. Если она этого не делает, все кафедральные соборы, все священство, все миссионерские организации, проповеди, даже сама Библия сведутся лишь к пустой трате времени. Бог стал человеком именно ради этой цели. И знаете что? Может быть, только ради этого и была создана Вселенная. В Библии говорится, что она создана для Христа и все должно соединиться в Нем. Я думаю, никто из нас не может понять, как все это произойдет в масштабе Вселенной. Мы не знаем, что живет (если там вообще что-нибудь живет) в тех частях ее, которые удалены от Земли на многие миллионы километров. Даже на этой Земле мы не знаем, что произойдет со всем

остальным, кроме человека. Но чего, собственно, мы ожидали? Нам показана только та часть плана, которая касается нас. Иногда я люблю себе представить, как все будет с другими существами и предметами. Мне кажется, высшие животные в каком-то смысле сблизятся с человеком благодаря его любви к ним и тому, что он делает их (а это именно так) гораздо более очеловеченными, чем они были бы, не существуй на Земле человека и всей его деятельности. Я даже улавливаю какой-то смысл в том, что одушевленные вещи и растения подтягиваются к человеку, по мере того как он пользуется ими и ценит их. Если бы иные миры были населены разумными существами, и те могли бы делать все это там, у себя. Может быть, когда разумные существа войдут в Христа, они, в этом смысле, принесут с собой в Него и все остальное. Но я не знаю, как все это будет на самом деле, и могу лишь делиться своими догадками.

Нам сказано только о том, как мы, люди, соединимся в Христе, как мы станем частью того удивительного дара, который молодой Князь Вселенной хочет преподнести Своему Отцу, - дара, который есть Он Сам и, следовательно, мы в Нем. Только для этого мы и созданы. В Библии есть странные, волнующие намеки на то, что, когда мы соединимся с Ним и в Нем, многое в природе начнет обретать свой первоначальный, верный смысл. Страшный сон кончится; наступит утро.

9. Во что это обходится

Многих, оказывается, смутило то, что я сказал в предыдущей главе о словах нашего Господа: "Будьте совершенны". Некоторые, видимо, думают, что слова эти значат: "Пока вы не станете совершенными, Я не буду вам помогать", - а поскольку мы не можем стать совершенными, наше положение безнадежно. Но я не думаю, чтобы это было так. Мне кажется, Господь сказал: "Я стану помогать вам лишь в одном - в достижении совершенства. Возможно, вас устраивает что-нибудь поменьше, но Я не дам вам ничего меньше этого".

Позвольте мне пояснить мою мысль. В детстве у меня часто болели зубы, и я знал: стоит пойти к маме - и она даст что-нибудь болеутоляющее, я смогу спокойно уснуть. Но я не шел к ней - по крайней мере, до тех пор, пока боль не становилась невыносимой. Я не шел к ней вот по какой причине: не сомневаясь в том, что она даст мне аспирину, я знал, что этим она не ограничится, а на следующее утро поведет меня к зубному врачу. Я не мог получить от нее то, что хотел, и не получить того, чего я совсем не хотел. Мне надо было мгновенно избавиться от боли, но мне пришлось бы еще и проверить все зубы. А я знал этих зубных врачей! Знал, что они станут копаться и в тех зубах, которые болеть не начинали. Как говорится, дай им только палец, они всю руку отхватят.

Наш Господь, если вы позволите мне такое сравнение, в некотором роде напоминает этих зубных врачей. Если вы дадите Ему палец, Он возьмет у вас всю руку. Десятки людей приходят к Нему, чтобы излечиться от какого-то одного греха, которого они особенно стыдятся (например, от трусости), или от такого, который портит им жизнь (скажем, от вспыльчивости или пьянства). Что ж, Он вылечит любой недуг, но не остановится на этом. Может быть, вы больше ничего у его и не просили, но Он, если только вы придете к Нему, непременно подвергнет вас полному курсу лечения.

Вот почему Он предупреждает людей, чтобы они, прежде чем станут христианами, взвесили, во что им это обойдется. "Поймите меня правильно, - говорит Он. - Если вы Мне позволите, Я сделаю вас совершенными. В тот момент, когда вы вручите себя в Мои руки, знайте, что именно это Я намерен сделать с вами. Именно это, ничего другого. Однако ваша воля остается свободной. Если вы захотите, то сможете оттолкнуть Меня. Но если вы не оттолкнете, помните: Я доведу работу до конца. Каких бы страданий вам это ни стоило в вашей земной жизни, чего бы это ни стоило Мне, я не успокоюсь и не оставлю в покое вас до тех пор, пока вы действительно не станете совершенными - пока Мой Отец не сможет без колебаний сказать, что доволен вами, как Он сказал обо Мне. Я могу это сделать, и Я сделаю это. Но Я не стану делать ничего, что меньше.

И тем не менее (это очень важно!) Помощник, Которого не удовлетворить ничем, кроме совершенства, будет очень рад вашей первой, слабой попытке, которую вы предпримете завтра, чтобы выполнить простейшую свою обязанность. Как говорил христианский писатель Джордж Макдональд, каждый отец доволен, когда его ребенок делает первые неуверенные шажки, но ни один отец не удовлетворится меньшим, чем уверенная, свободная походка взрослого сына. Точно так же, говорит он, "легко снискать одобрение Бога, но удовлетворить Его трудно".

Из всего этого следует практический вывод. С одной стороны, то, что Бог требует от нас совершенства, не должно ни в коей мере обескураживать нас, когда мы пытаемся быть хорошими, как не должны у нас опускаться руки от неудач, которые мы терпим при этих попытках. Всякий раз, когда вы падаете, Он снова ставит вас на ноги. Он превосходно знает, что ценой своих собственных усилий вы никогда не сможете и близко подойти к совершенству. В свою очередь вы с самого начала должны понимать, что цель, к которой Он вас направляет, - это абсолютное совершенство и ни одна сила во Вселенной, кроме вас самих, не может воспрепятствовать Ему. Это очень важно понять. Если мы не поймем, то, весьма вероятно, захотим в какую-то минуту пойти на попятную и начнем Ему противиться. Я думаю, многие из нас склонны считать себя достаточно хорошими, после того как Христос помог нам преодолеть один-два греха, которые особенно беспокоили нас. Он сделал все, чего мы от Него хотели, и теперь мы были бы очень признательны, если бы Он оставил нас в покое. У нас принято говорить: "Я и не стремился стать святым. Мне просто хотелось быть порядочным человеком". Нам даже кажется, что это свидетельствует о смирении.

Но мы ошибаемся, и ошибка наша - очень печальна. Конечно же, мы не хотели и никогда не просили, чтобы нас превращали в совершенство. Но дело не в наших желаниях, а в тех намерениях, которые были у Него, когда Он создавал нас. Он - Изобретатель, мы - только машины. Он - Художник, мы - всего лишь картина. Как можем мы знать, что Он намеревается из нас сделать? Вы замечаете, что Он уже превратил нас во что-то, сильно отличающееся от того, чем мы были. Давным-давно, прежде нашего рождения, когда мы еще находились в материнском чреве, мы прошли через разные стадии развития. Сначала видом своим мы напоминали растения, потом - рыб, и только на последней стадии стали мы походять на человеческих младенцев. Если бы мы могли осознать те ранние стадии, то, вполне возможно, удовлетворились бы таким вот существованием в виде растения или рыбы и не захотели бы превращаться в младенцев. Но все это время у Него был особый план, и Он твердо намеревался выполнить его до конца. То же самое происходит и сейчас, только на более высоком уровне. Нас, допускаю, вполне удовлетворит, если мы останемся "обыкновенными людьми", но Он намерен привести в исполнение совершенно другой план. Отказ от участия в этом плане диктует не смирение, а лень и трусость. Подчинение ему свидетельствует не о тщеславии или мании величия, а о покорности.

Эти грани истины можно осветить иначе. С одной стороны, не надо воображать, что ценой своих собственных усилий мы продержимся в категории порядочных людей хотя бы сутки. Если бы не Его поддержка, никто из нас не был бы застрахован от серьезного греха или преступления. С другой стороны, вся святость и весь героизм, которыми отличались величайшие из святых, не превышали того, чем Он намерен наделить каждого из нас. Его работа над нами не закончится в этой жизни. Но Он намерен выполнить ее настолько, насколько это возможно, до нашей смерти.

Вот почему мы не должны удивляться, если на нашу долю выпадают тяжелые времена. Когда человек обращается к Христу и ему кажется, что все у него идет как надо (в том смысле, что он избавляется от дурных наклонностей), то часто ему представляется: теперь, вполне естественно, и обстоятельства станут складываться глаже. Но приходят неприятности - болезнь, бедность, разные искушения, - и такой человек разочарован. Все это, думает он, было необходимо, чтобы пробудить во мне совесть и привести меня к раскаянию, но почему сейчас? А потому, что Бог гонит его вперед, велит подняться на более высокий уровень. Он помещает его в такие обстоятельства, когда от него требуется гораздо больше храбрости, или терпения, или любви, чем он мог и подумать. Нам все это

кажется излишним; но только потому, что мы еще не представляем, какими поразительными существами Он собирается нас сделать.

Я думаю, мне придется позаимствовать еще одно сравнение у Джорджа Макдональда. Представьте себе, что вы - жилой дом. Бог входит в этот дом, чтобы перестроить его. Сначала, возможно, вы еще можете понять, что Он делает. Он ремонтирует водопровод и крышу. Тут все ясно и не вызывает удивления. Но вот Он начинает ломать дом, да так, что вам становится больно. К тому же вы не видите в этом никакого смысла. Чего Он хочет добиться? А вот чего: Он строит из вас совсем другой, новый дом, совсем не такой, каким вы его представляли. В одном месте Он возводит новое крыло, настилает новый пол, в другом - пристраивает башни, создает дворики. Вы думали, что вас собирались переделать в хорошенький маленький коттедж. Но Он сооружает дворец и намерен поселиться во дворце Сам. Заповедь "Будьте совершенны" - это не просто идеалистически высокопарный призыв. Это и не приказ сделать невозможное. Дело в том, что Он собирается преобразовать нас в такие существа, которым этот приказ по силам. Он сказал (в Библии), что мы - "боги", и докажет правоту Своих слов. Если только мы Ему позволим - мы можем помешать Ему, если захотим, - Он превратит самого слабого, самого недостойного из нас в бога или богиню, в ослепительное, светоносное, бессмертное существо, пульсирующее такой энергией, такой радостью, мудростью и любовью, какие мы сейчас не можем вообразить. Он превратит нас в чистое, искрящееся зеркало, способное отразить в совершенном виде (хотя, конечно, в меньшем масштабе) Его безграничную силу, радость и доброту. Это долгий, а то и болезненный процесс. Но именно в том, чтобы пройти его, - наше назначение. Рассчитывать на меньшее нам не приходится. То, что Господь сказал. Он говорил всерьез.

10. Хорошие люди, или новое человечество

Да, то, что Он сказал, Он говорил всерьез. Те, кто отдаст себя в Его руки, станут такими же совершенными, как Он Сам, - совершенными в любви, мудрости, радости, красоте и бессмертии. Эта перемена не завершится в нашей земной жизни, потому что смерть - важная часть лечения. Как глубоко затронет оно каждого христианина при его земной жизни, знать никому не дано. Я думаю, сейчас самая пора рассмотреть то, о чем часто спрашивают: если христианство право, то почему христиане - в массе своей - не лучше, чем нехристиане? Вопрос этот, с одной стороны, совершенно правомочен, с другой - неоправдан. Обоснованность его вот в чем. Если обращение в христианство никак не проявляется в поведении человека: человек остается таким же высокомерным, или завистливым, или тщеславным, каким был прежде, - то мы должны, я думаю, усомниться в искренности его обращения. Всякий раз, когда обращенный полагает, что чего-то достиг, он именно так может проверить себя. Прекрасные чувства, большая пронизательность, возросший интерес к религии не значат ничего, если поведение наше не меняется в лучшую сторону, как ничего не значит то, что больной чувствует себя лучше, если температура по-прежнему повышается. В этом смысле мир совершенно прав, когда судит христианство по результатам. Христос говорил нам, чтобы именно так мы и судили. Дерево познается по плодам. "Чтобы узнать, хорош ли пудинг, надо его съесть". Когда мы, христиане, ведем себя недостойно или когда из наших попыток вести себя так, как надо, ничего не получается, мы внушаем людям недоверие к христианству. На плакатах военного времени мы читаем: "Легкомысленная болтовня может привести нас к гибели". Переиначив эти слова, скажу, что легкомысленный образ жизни может привести к злоречивым толкам. И мы сами даем повод для толков, ставя под сомнение истинность христианства.

Но, с другой стороны, окружающий нас мир бывает довольно нелогичным в своих требованиях к христианству. Порой людям недостаточно, чтобы жизнь человека, ставшего христианином, изменилась к лучшему. Они пытаются, прежде чем сами придут к вере, четко разделить весь мир на два лагеря - христиан и нехристиан; при этом они ожидают, что все люди из первого лагеря в любой данный момент должны быть безусловно лучше, чем люди из второго. Это неосновательно, и по нескольким причинам.

1. Во-первых, в реальной жизни все гораздо сложнее. Мир не состоит из стопроцентных христиан и стопроцентных нехристиан. Существуют люди (их немало), которые медленно выбывают из христиан, но все еще называют себя этим именем, причем некоторые из них - священнослужители. Другие постепенно становятся христианами, хотя еще так себя не называют. Есть люди, которые пока не принимают учение о Христе во всей полноте, но в такой степени поддались обаянию Его Личности, что уже принадлежат Ему в гораздо более глубоком смысле, чем сами сознают. Известны и люди, которые, исповедуя другие религии, под скрытым воздействием Бога сосредоточили внимание на тех разделах, которые согласуются с христианством. Например, буддист доброй воли, побуждаемый таким воздействием, может все больше внимания уделять буддийскому учению о милосердии, оставляя в стороне другое (хотя он все еще говорит, что исповедует именно буддизм). В таком положении находились и многие добродетельные язычники задолго до рождения Христа. А сколько в мире людей, у которых в голове неразбериха и убеждения сотканы из обрывков несовместимых верований? Значит, бессмысленно судить о христианах и нехристианах в целом. Можно сравнивать кошек и собак или даже мужчин и женщин, потому что здесь каждому ясно, кто есть кто. К тому же животные не превращаются (ни внезапно, ни постепенно) из собаки, скажем, в кошку. Когда мы сравниваем христиан с нехристианами, то обычно думаем не о реальных людях, которых знаем, а о неких смутных идеях, почерпнутых нами из книг и газет. Если же вы хотите сопоставить плохого христианина с хорошим атеистом, то пусть это будут два конкретных человека, которых вы действительно видели. До тех пор пока мы не докапаемся до сути, мы будем только время терять.

2. Предположим, мы докапались до сути и говорим уже не о воображаемых христианах и нехристианах, а о двух конкретных людях, живущих по соседству. Даже в этом случае надо судить очень внимательно. Если христианство истинно, из этого должно вытекать, что:

а) любой христианин лучше, чем был бы тот же самый человек, если бы остарелся нехристианином;

б) любой человек, становящийся христианином, лучше, чем он был до этого.

Позвольте мне привести сравнение. Если реклама зубной пасты "Белозубая улыбка" не обманывает нас, то из этого следует:

а) у каждого, кто пользуется ею, зубы лучше, чем они были бы, если бы он ею не пользовался;

б) если кто-то начнет ею пользоваться, зубы у него станут лучше. Но то, что от употребления этой пасты мои плохие зубы (которые я унаследовал от обоих родителей) не станут такими же прекрасными, как у здорового, молодого негра, который вообще никогда не употреблял никакой пасты, еще не доказывает, что реклама говорит неправду.

Возможно, христианка мисс Бэйтс злее на язык, чем неверующий Дик Феркин. Само по себе это еще не доказывает, что христианство - недействительно. Вопрос надо ставить иначе: а каким был бы Дик, стань он верующим? У мисс Бэйтс и Дика, из-за наследственности и воспитания, полученного в раннем детстве, разный темперамент и характер. Христианство обещает взять под контроль оба эти темперамента и характера, если только ему позволят. Правомочен лишь такой вопрос: улучшит ли это мисс Бэйтс и Дика? Каждому ясно, что в случае Дика под контроль поступил бы характер куда более доступный благоприятному воздействию, чем в случае мисс Бэйтс. Но дело не в этом. Чтобы судить о том, хорошо ли управляют фабрикой, надо принимать в расчет не только качество продукции, но и техническое оснащение. Возможно, техническое оснащение фабрики А таково, что она лишь чудом вообще что-то производит. Напротив, у фабрики Б первоклассное оснащение, и придется признать, что высокое качество ее продукции все-таки гораздо ниже, чем могло бы быть. Несомненно, хороший руководитель на фабрике А установит новое оборудование при первой возможности, однако это произойдет не сразу. До тех пор низкий уровень того, что она выпускает, не может свидетельствовать о неумелости руководства.

3. А теперь углубимся дальше. Руководитель собирается поставить новое оборудование, и еще прежде, чем Христос закончит работать над мисс Бэйтс, она станет воистину прекрасным человеком. Но если мы на этом остановимся, то все будет выглядеть так,

словно единственная цель Христа - подтянуть мисс Бэйтс до того уровня, на котором Дик был с самого начала. У вас могло сложиться впечатление, будто с Диком вообще нет никаких проблем и в христианстве нуждаются только люди с дурным характером, а приятные, милые люди вполне могут обойтись и без него, словно приятность - это все, чего требует Бог. Это было бы роковой ошибкой. Правда - в том, что, с точки зрения Бога, Дик Феркин нуждается в спасении ничуть не меньше, чем мисс Бэйтс. В каком-то смысле (через минуту я объясню, в каком именно) сомнительно, чтобы приятность характера вообще имела какое-нибудь отношение к этому.

Мы не можем ожидать, чтобы Бог смотрел на спокойный характер и дружелюбие Дика теми же глазами, какими смотрим на них мы. Ведь эти качества в значительной степени порождены естественными причинами (благоприятная наследственность), то есть в конечном счете обусловлены Самим Богом. Но, с другой стороны, они связаны с темпераментом, а значит - едва ли устойчивы и могут исчезнуть, коль скоро у Дика нарушится пищеварение. Приятность характера - это, в сущности, Божий дар Дику, а не дар Дика Богу. Точно так же Бог допустил, чтобы в силу естественных причин, действующих в мире, от глубокой древности испорченном грехом, разум у мисс Бэйтс оказался ограниченным, а нервы - взвинченными, от чего и зависит главным образом ее несносность. Он намеревается в свое время выправить этот недостаток. Но для Бога не это - самое главное и трудное. Не об этом Он беспокоится. Того, за чем Он следит, чего ожидает и ради чего работает, нелегко добиться даже Ему, Богу, потому что в силу установленного Им принципа свободной воли Он не может достичь этого силой. Он ждет и наблюдает за появлением "этого" и в мисс Бэйтс, и в Дике Феркине; только от их доброй воли это зависит. От каждого из них зависит, сделать этот шаг или отказаться от него, обратиться к Богу - или нет, достигнув, таким образом, той единственной цели, ради которой они и созданы. Их свободная воля вибрирует, как стрелка компаса. Эта стрелка наделена правом выбора. Она может повернуться точно к северу, но не обязана. Повернется ли стрелка, установится ли, укажет ли на Бога?

Он может ей в этом помочь, но не может ее заставить. Он не может протянуть руку и повернуть ее - тогда она лишилась бы предоставленной ей от начала свободы воли. Установится ли стрелка по направлению к северу? От этого зависит все остальное. Предадут ли мисс Бэйтс и Дик свою человеческую природу в руки Божьи? Только в этом суть. А что один из этих характеров - приятен, а другой - несносен, вопрос второстепенный. С этим у Бога проблем не будет.

Не поймите меня, пожалуйста, превратно. Бог рассматривает плохую, несносную человеческую природу как зло, как беду. Конечно, хороший характер в Его глазах - благо, как благо - хороший хлеб, или солнечный свет, или чистая вода. Но все это такое благо, которое Он дает, а мы принимаем. Он дал Дику крепкие нервы и хорошее пищеварение, и добро не оскудело в том источнике, откуда оно произошло. Ему, насколько нам известно, ничего не стоит творить благо. Но ради того, чтобы взбунтовавшаяся человеческая воля могла обратиться на праведный путь, Он умер на кресте. Поскольку эта воля свободна, она может, действуя и в хороших, и в плохих людях, принять или отвергнуть Его. В последнем случае все приятные качества Дика, будучи лишь свойством его человеческой природы, обратятся в ничто, ибо сама эта природа исчезнет. Сочетание естественных причин произвело в Дике благоприятную психологическую структуру, как порождает оно приятные сочетания цветов на закатном небе. Но в силу особенностей, присущих природе, такое сочетание быстро распадается и исчезает. Дику предлагалась возможность превратить (или, скорее, позволить, чтобы Бог превратил) мимолетное сочетание в бессмертную красоту вечного духа; но он эту возможность упустил.

Возникает парадокс: до тех пор, пока Дик не обратится к Богу, он будет думать, что его приятный характер - его собственность во всех отношениях (и по происхождению, и по принадлежности). Но пока он так думает, прекрасные качества ему не принадлежат. Только когда он поймет, что они - не его заслуга, а дар Божий, и вновь предложит их Богу, только тогда качества эти станут его собственностью. Только то мы и можем сохранить, что добровольно отдадим Богу. А то, что попытаемся удержать для себя, непременно потеряем.

Мы не должны поэтому удивляться, встречая среди христиан людей, все еще несносных. Если подумать, можно понять, почему от неприятных людей можно ожидать, что они скорее обратятся к Христу, чем приятные. Вы помните, как возмущались современники Христа тем, что, по их мнению, Он привлекал к Себе самых ужасных, самых презираемых людей? То же самое вызывает возмущение и недоумение у наших современников. Так и будет и завтра, и всегда. Вы догадываетесь, почему? Вспомните слова Христа: "Трудно богатому войти в Царство Небесное". А еще Он говорил: "Блаженны нищие духом". Очевидно, что речь Он вел о двух видах богатства и нищеты - материальном и духовном. Опасность для людей материально богатых - в том, что они довольствуются счастьем, которое дают им деньги, и не понимают, как нужен им Бог. Если все кажется таким доступным, если вы можете получить все, чего пожелаете, простым росчерком пера на чеке, то вам легче позабыть о том, что каждую минуту вы - в полной зависимости от Бога. Не меньшую опасность несет и природная одаренность. Если вы получили от Бога крепкие нервы, незаурядный ум, отличное здоровье, если вы хорошо воспитаны и считаетесь "душой общества", то как вам не быть довольным своим характером и обстоятельствами? "К чему впутывать во все это Бога?" - спасите вы себя. Хорошие манеры и поведение даются вам без особого труда. Вы не из тех несчастных, которые отягощены разными комплексами: вас не мучат тяготы пола, вы не страдаете ни чрезмерной тягой к выпивке, ни повышенной раздражительностью или дурным характером. Все вокруг называют вас "славным малым", и вы сами (наедине с собой) соглашаетесь с их мнением. Вы, вполне вероятно, верите, что все ваши хорошие качества - это ваша личная заслуга, и не видите никакой необходимости стать еще лучше, но лучше по-новому, в более высоком смысле слова. Очень часто люди, наделенные от природы добродетелями, не могут понять, как им нужен Христос, до тех пор пока в один прекрасный день не окажется, что добродетели их - тщетны, и разочарование постигнет их, а самодовольство - рассеется. Иными словами, трудно тем, кто богат и в этом смысле слова, войти в Царство Небесное.

Все иначе с людьми неприятными, маленькими, приниженными, боязливыми, испорченными, слабосильными, одинокими или необузданными, страстными, неуравновешенными. Предприняв малейшую попытку стать хорошими, они незамедлительно почувствуют, что им не обойтись без помощи. Для них - либо Христос, либо ничего. У них только один выбор - или взять свой крест и следовать за Ним, или жить в постоянном отчаянии. Они - заблудшие овцы; Он приходил специально для того, чтобы отыскать их (2). Они-то и есть в самом настоящем, в самом страшном смысле этого слова "нищие". Именно их Он благословил. Это они - то "ужасное сборище", с которым Он общается. И конечно, фарисеи все еще говорят, как говорили в самом начале: "Если бы христианское учение опиралось на истину, эти люди не были бы христианами".

В сказанном мною - либо предостережение, либо ободрение для каждого из нас. Если вы славный человек, если добродетель дается вам легко - берегитесь! С того, кому много дано, много и спросится. Если вы принимаете за собственные достоинства то, что на самом деле - Божий дар, полученный вами от природы; если вы довольствуетесь своим приятным характером, вы все еще противитесь Богу, и когда-нибудь ваши природные дары послужат лишь более ужасному падению, более изощренному соращению, а дурной пример станет особенно разрушительным. Сам сатана был когда-то архангелом; его природные дары были настолько же выше ваших, насколько ваши - выше природных даров шимпанзе.

А вот если вы несчастное существо, искалеченное никуда не годным воспитанием в семье, где царила низкая зависть и не прекращались бессмысленные ссоры, если вы обременены, не по своей воле, каким-нибудь отвратительным половым извращением и день за днем терзаетесь комплексом неполноценности, набрасываясь и огрызаясь даже на лучших своих друзей, - не отчаивайтесь. Бог знает о вас все. Вы - один из тех нищих, которых Он благословил. Он знает, какой воистину жалкой машиной стараетесь вы управлять. Не сдавайтесь. Делайте все, что в ваших силах. В один прекрасный день Он выбросит эту машину на свалку и даст вам новую. И тогда вы, возможно, поразите всех нас - и самого себя, потому что вы прошли трудную школу вождения ("Многие же будут первые последними, и последние первыми").

Обладать приятным характером, быть цельной, высоконравственной личностью прекрасно. Мы должны использовать все доступные нам средства - медицину, образование, экономику, политику, - чтобы создать такой мир, где как можно больше людей были бы именно такими, как стараемся мы создать мир, где у каждого достаточно еды. Но при этом мы должны помнить: если бы нам даже удалось каждого человека сделать хорошим и добродетельным, мы бы не спасли все человеческие души. Мир, состоящий из приятных людей, довольствующихся своей приятностью и не имеющих ничего больше, другими словами, мир, отвернувшийся от Бога, будет так же отчаянно нуждаться в спасении, как и мир жалких, несчастных людей, - а спасти его, быть может, еще труднее. Простое, механическое улучшение - не искупление, хотя искупление постоянно делает людей лучше, даже здесь и сейчас, и усовершенствует их до такой степени, о которой мы не можем еще и мечтать. Бог стал человеком, чтобы обратить существа, созданные Им, в Своих детей; не просто для того, чтобы улучшить человеческую породу, но чтобы создать людей совершенно иного рода. Это не то же самое, что дрессировка лошади, которую учат прыгать все выше и выше, это - превращение ее в сказочного крылатого коня. Конечно, как только у лошади вырастут крылья, она сможет перелетать через такие заборы, через которые никогда бы не перепрыгнула, и обычной лошади ни в чем с ней будет не сравниться. Однако вначале, когда крылья только станут отрастать, все это, наверное, будет ей не под силу. Наросты в верхней части спины будут выглядеть нелепо и смешно, и никто не догадается, глядя на них, что из них вырастут крылья.

Однако мы, возможно, посвятили этому слишком уж много времени. Если вам нужен только довод против христианства (а я хорошо помню, как сам я жадно искал такие доводы, когда начал бояться, что христианство соответствует истине), то вы легко сможете найти какого-нибудь неумного и не очень приятного христианина и сказать: "Так вот он, ваш хваленый новый человек! Дайте-ка мне лучше старого!" Но если вы хотя бы раз почувствуете, что ключи к христианству - не там, то в глубине сердца поймете, что все ваши возражения и аргументы - лишь попытка уйти. Что вы можете знать о других человеческих душах? Об их искушениях, их возможностях, их борьбе? Лишь одну душу во всем Божьем мире знаете вы, и это та душа, чья судьба отдана в ваши руки. Если Бог существует, вы в некотором смысле - один на один с Ним. Вы не можете от Него избавиться, философствуя о достоинствах и недостатках своих соседей или вспоминая то, о чем вы читали в книгах. Что будут значить все эти пересуды и домыслы (да и сможете ли вы вообще их вспомнить?), когда развеется притупляющий туман анестезии, который мы называем "природой" или "реальным миром", и Присутствие, о Котором вы всегда знали, станет осязаемым, непосредственным, неустрашимым?

11. Новые люди

В предыдущей главе я сравнивал работу Христа, создающего новых людей, с превращением обычной лошади в сказочного крылатого коня. Я воспользовался этим крайним примером, чтобы подчеркнуть, что речь идет не об улучшении, усовершенствовании, а о полном преобразовании. Ближайшим подобием этому в природе будет поразительное превращение насекомых, когда на них воздействуют определенные лучи. Некоторые считают, что именно так происходит эволюция. Изменения, в которых ее сущность, могли вызвать лучи, поступающие из космоса (конечно, как только эти изменения возникнут, в действие вступает то, что называют "естественным отбором" - виды, которые претерпели полезные изменения, выживают, другие - отсеиваются).

Возможно, современный человек лучше сможет понять идею христианства, если попробует рассмотреть ее в связи с теорией эволюции. Каждый знаком с этой теорией (хотя некоторые образованные люди отвергают ее). Каждого из нас учили в свое время, что современный человек эволюционировал из более низких форм жизни. Поэтому часто спрашивают: "Каким будет следующий шаг?" Писатели- фантасты пытаются время от времени описать этот шаг, изображая некоего сверхчеловека. Обычно из-под их пера возникает существо, гораздо более неприятное, чем нынешний человек, и создатели его

пытаются скрасить впечатление, наделяя свое создание дополнительными руками или ногами. Но почему не предположить, что следующий шаг принципиально отличается от всего, что только измыслит самое изощренное воображение? Скорее, именно так и будет. Тысячи лет тому назад появились огромные тяжелые существа, покрытые бронеподобной чешуей. Если бы кто-нибудь в то время наблюдал за ходом эволюции, он, вероятнее всего, предположил бы, что следующим звеном в ее цепи будут существа, еще надежнее защищенные, еще более приспособленные для выживания, но он бы ошибся. Будущее прятало в рукаве свою козырную карту, и секрет ее оказался совершенно неожиданным: из рукава выскочили не вооруженные до зубов чудовища, а маленькие, голые, безоружные зверьки, наделенные лучшими мозгами. С помощью этих мозгов им предстояло покорить всю планету. Им суждено было не просто обрести больше власти, чем у доисторических чудовищ; власть, которую предстояло завоевать, была совершенно нового типа. Следующий шаг должен был стать не просто другим, а по-иному другим. Поток эволюции резко сворачивал в принципиально иное русло, чем мог бы ожидать наш предполагаемый наблюдатель.

Сегодня, мне кажется, в догадках о следующем шаге содержится та же ошибка. Люди видят (или, им кажется, будто они видят), как совершенствуется человеческий интеллект, как все более уверенной становится власть человека над природой. Они думают, что поток эволюции движется лишь в этом направлении, никакого другого русла вообразить себе не могут. Что же до меня, я не могу отделаться от мысли, что следующий шаг будет воистину небывалым; он будет сделан в таком направлении, о котором мы и не подозревали. А если бы не так, то едва ли его можно было бы назвать новым шагом. Я предвижу не просто изменения, а какой-то новый метод, направленный на изменения принципиально иного толка. Выражаясь другими словами, следующая стадия эволюций выйдет за ее пределы; эволюция как метод, производящий изменения, будет вытеснена каким-то иным. И я не слишком бы удивился, если бы, когда все это случится, немногие бы это заметили.

Если вы согласны продолжать беседу в том же духе, то есть опираясь на знакомое нам понятие эволюции, то, согласно христианской точке зрения, новый шаг уже сделан. Он действительно нов по-новому. Это не переход от людей мозговитых к еще более мозговитым; это изменение - совершенно другое, оно превращает Божьи создания в Божьих сыновей и дочерей. Первый момент его зафиксирован в Палестине две тысячи лет тому назад. В некотором смысле это изменение - не эволюция, потому что его вызывали не естественные процессы, оно входит в природу извне.

Однако именно этого я и ожидал. Мы пришли к идее об эволюции, изучая прошлое. Если будущее содержит в себе воистину что-то новое, тогда, конечно же, наше представление, основанное на прошлом, не может этого нового вмещать, тем более что новый шаг отличается от всех предыдущих не только тем, что вносит в природу что-то извне.

1. Новое изменение не передается от поколения к поколению и не связано с полом. Следует ли этому удивляться? Было время, когда пола еще не существовало, размножались и развивались тогда иначе. Значит, мы могли бы ожидать, что вновь наступит время, когда пол исчезнет или (как и происходит в действительности), продолжая существовать, уже не будет главным каналом развития.

2. На начальных стадиях у живых организмов не было выбора (или был незначительный выбор), предпринять им новый шаг или нет. Они были объектами прогресса, а не субъектами. А новый шаг, превращение сотворенных существ в рожденных сыновей и дочерей, - сугубо добровольный, по крайней мере - в одном отношении. Он не доброволен в том смысле, что сами мы не могли бы ни придумать его, ни избрать, не будь он нам предложен. Но он доброволен в том смысле, что мы можем от него отказаться, когда нам предлагают совершить его. Мы можем, так сказать, отпрянуть назад; можем прирасти ногами к земле, а новое человечество уйдет вперед без нас.

3. Я назвал Христа "первым мгновением" нового человека. Он, конечно, гораздо больше, чем "первое мгновение", - не просто один из новых людей, а новый Человек. Он -

источник, центр и жизнь всех новых людей. Он пришел в эту созданную Им вселенную по своей воле, принес с Собой зю, новую жизнь (новую для нас, с нашей точки зрения, конечно; ибо там, где Он пребывает вечно, она была всегда). Он передает нам ее не по наследству, а посредством того, что я назвал "благотворной инфекцией". Получить ее можно, вступив с Ним в личный контакт. Другие люди становятся новыми, пребывая в Нем.

4. Этот шаг отличается от всех предыдущих своей скоростью. Ведь по сравнению со всем тем временем, за которое развился человек, распространение христианства среди людей подобно мгновенной вспышке молнии, ибо две тысячи лет - почти ничто в масштабах Вселенной. (Не забывайте, что мы все еще ранние христиане.) Недобрые, попусту изнуряющие нас разделения - это, будем надеяться, детская болезнь: у нас еще режутся зубы. Внешний мир, несомненно, придерживается противоположной точки зрения. Он полагает, будто мы умираем от старости. Но он много раз полагал так и прежде. Мир снова и снова приходил к заключению, что христианство умирает от преследований извне и от разложения изнутри, умирает из-за мусульманства, из-за естественных наук, из-за революционных движений. И всякий раз его ожидало разочарование. Впервые оно настигло его после распятия Христа: Человек снова ожил! В некотором смысле - я прекрасно понимаю, какой ужасной несправедливостью это должно казаться, - Воскресение продолжается с тех пор и по сей день. Дело, которое Он начал, они непрестанно убивают, и каждый раз, когда разравнивают землю на его могиле, внезапно доходит слух, что оно все еще живо и даже появилось в новом месте. Неудивительно, что нас ненавидят.

5. Риск в данном случае гораздо выше. Соскользнув обратно, на более раннюю стадию развития, творение теряло в самом худшем случае несколько лет жизни на Земле, а то не теряло и этого. Когда был сделан новый шаг, обстоятельства изменились; теперь, отступив назад, мы теряем награду, которая (в самом строгом смысле слова) бесценна и безгранична, - ведь сейчас наступил критический момент. Век за веком Бог направлял природу к той точке, где она обретает способность производить такие существа, которые смогут, если захотят, перешагнуть за ее пределы, чтобы обратиться в "богов". Позволят ли они, чтобы их взяли из среды природы? В некотором смысле этот процесс подобен критическому моменту родов. До тех пор, пока мы не поднимемся и не пойдем вслед за Христом, мы останемся в составе материальной природы, все еще будем во чреве нашей великой матери. Ее беременность длится долго, она - болезненна и тревожна, но она уже достигла своей критической точки. Великий момент наступил. Все готово. Доктор прибыл. Пройдут ли роды благополучно?

Нельзя забывать, что от обычных они отличаются в одном, очень важном отношении. При обычных родах ребенок лишен права выбора. В данном случае такой выбор есть.

Интересно, что сделал бы обыкновенный ребенок, если бы мог выбирать? Возможно, он предпочел бы остаться в темноте и тепле, в безопасности материнского чрева. Ему, конечно, казалось бы, что, оставаясь там, он обеспечивает себе безопасность. И в этом была бы его роковая ошибка - ведь если бы он остался во чреве, то неизбежно бы погиб. Потому-то и был предпринят новый шаг, сфера действия которого постоянно расширяется. Новые люди появляются тут и там, во всех уголках Земли. Некоторых из них, как я уже сказал, трудно пока распознать. Но есть и такие, которых вы узнаете довольно легко. Кто-то из них иногда встречается нам. Даже голоса их и лица отличаются от наших: они сильнее, спокойнее, счастливее, светлее. Их активность начинается там, где большинство из нас останавливается. Их, как я сказал, можно узнать; но для этого вам следует четко определить для себя, чего вы, собственно, ищете. Они не похожи на тех религиозных людей, образ которых возник у вас из прочитанных книг. Они не привлекают к себе внимания. Часто вы склонны считать, что проявляете к ним доброту, тогда как это они на самом деле добры к вам. Они любят вас больше, чем другие люди, но нуждаются в вас меньше. (Мы должны побороть в себе стремление быть необходимыми, незаменимыми. Для некоторых славных людей, особенно женщин, это - самое трудное.) Так и кажется, что у них всегда на все есть время; вы поражаетесь, где они его берут. Когда вы узнаете одного из них, вам будет значительно легче узнать следующего. И я подозреваю (хотя

откуда мне знать?), что они узнают друг друга немедленно и безошибочно, невзирая на расовые, половые, классовые и возрастные барьеры, невзирая даже на барьеры вероисповедания. Каким-то образом стать святым подобно вступлению в тайное общество. Помимо всего прочего, это очень интересно.

Но вы не должны думать, что все новые люди однолики в обычном смысле слова. Боюсь, многое из того, о чем я говорил в этой книге, могло вызвать у вас именно такое впечатление. Ведь чтобы стать новым человеком, надо потерять свое старое "я"; мы должны "выйти из себя" и "войти в Христа". Его воля должна стать нашей волей; Его мысли - нашими мыслями. Мы должны обрести "ум Христов", как говорит Библия. Поскольку существует только один Христос и только Он один должен находиться в нас, не значит ли это, что мы все должны стать совершенно одинаковыми? Выглядит как будто бы так. Но это совсем не так.

Мне трудно подобрать удачные примеры или сравнения, чтобы пояснить это, потому что ничто не может находиться друг с другом в таких же отношениях, в каких находятся Создатель и Его создания. И все же я попытаюсь привести два очень несовершенных сравнения, которые, надеюсь, помогут вам понять, что я имею в виду. Вообразите себе людей, которые всю свою жизнь прожили в полной темноте. Вы приходите к ним и пытаетесь описать, на что похож свет. Вы говорите им, что если они выйдут наружу, то один и тот же свет упадет на каждого из них и все они будут отражать его и станут видимыми. Услышав это, они, вполне вероятно, подумают: если мы узрим один и тот же свет и каждый из нас будет реагировать на него одним и тем же образом (то есть все мы будем его отражать), то не окажемся ли мы все похожими друг на друга? Между тем мы с вами прекрасно знаем, что на самом деле свет лишь выявит, насколько они друг на друга непохожи.

Или, предположим, вам встретился человек, который совершенно не знаком со вкусом соли. Вы даете ему щепотку на пробу, и он ощущает сильный, резкий вкус и потом вы говорите ему, что в вашей стране люди кладут соль в пищу. Вполне возможно, он ответит на это: "Значит, ваши блюда не отличаются одно от другого - вкус этого порошка настолько резок, что убьет всякий другой". Между тем мы с вами прекрасно знаем, что соль производит как раз противоположный эффект. Вместо того чтобы убить вкус яйца, или мяса, или капусты, соль проявляет его. Все они будут казаться безвкусными до тех пор, пока вы не прибавите к ним соли. (Конечно, как я и предупреждал вас, сравнение это хромает, потому что вы можете убить любой вкус, положив в пищу слишком много соли, тогда как убить специфику человеческой личности, добавив к ней слишком много от Христа, невозможно.)

Что-то действительно подобное этому происходит между Христом и нами. Чем больше нашего собственного "я" мы убираем с пути, позволяя Ему взять контроль над нами, тем больше мы становимся самими собою.

Он содержит в себе такое богатство и такое разнообразие, что миллионов и миллионов "маленьких Христов", каждый из которых не похож на другого, все еще не будет достаточно, чтобы полностью выразить Его. Он сделал всех нас. Он придумал нас, как писатель придумывает действующие лица в романе, - всевозможными и разнообразными, какими вам и мне предстояло стать. В этом смысле наше подлинное "я" все еще ожидает своего проявления в Нем. Нет пользы пытаться "быть самим собой", минуя Его. Чем больше я сопротивляюсь Ему и стараюсь жить по-своему, тем больше господствуют надо мной мои наследственность и воспитание, окружающая среда и растущие во мне страхи и желания.

Фактически то, что я с гордостью называю "самим собою", оказывается лишь точкой, где пересеклись последствия тех явлений, событий, случаев и процессов, которые не я начинал и не мне прекращать. Так называемые "мои желания" попросту навязаны мне физическими отправлениями моего организма, или мыслями других людей, или подсказаны бесом. Я плотно поел, крепко выпил и отлично выспался - вот истинный источник того минутного вожделения, которое я испытал к девушке, сидящей напротив меня в купе вагона; между тем я наивно приписываю его моему "тонкому вкусу и независимому, высоко личному решению". Пропанганда - вот истинный источник того, что

я именую своими политическими убеждениями. В своем естественном состоянии я далеко не та личность, какой считаю себя. Большую часть того, что я называю своим "я", можно объяснить какими-то внешними причинами. Только когда я обращаюсь к Христу, когда я передаю себя Ему, сдаюсь Его Личности, - только тогда я начинаю приобретать собственное, настоящее "я"! Вначале я сказал, что Бог содержит в Себе личности. Сейчас я хочу остановиться на этом подробнее. Только в Нем истинные личности и бывают. Пока вы не отдадите себя Ему, вы не сможете обрести своего истинного "я". Одинаковы главным образом естественные люди, а не те, кто отдал себя Христу. Как заунывно одинаковы великие тираны и завоеватели! Как величественно разнообразны святые!

По-настоящему отдайте себя, без сожалений откажитесь от своего "я", и взамен Христос действительно даст вам настоящее "я", истинную личность: однако вы не должны приходить к Нему только ради этого. Если ваше личное "я" - это все, что вас волнует, значит, ваш путь к Нему еще не начинался. Самый первый шаг на этом пути - постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое "я" (личное "я" Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно - Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Это звучит странно, правда?

Но тот же самый принцип действует и в других областях. Даже в общественной жизни вы не сумеете произвести хорошего впечатления, пока не перестанете думать о том, какое впечатление производите. То же самое относится к литературе и искусству: ни один человек, больше всего заботящийся об оригинальности, никогда оригинальным не станет; и наоборот, если вы просто стараетесь выразить истину (нимало не заботясь о том, как часто до вас говорили о ней другие) , - девять против одного, что вы действительно окажетесь оригинальным, даже не замечая этого.

Принцип этот пронизывает всю жизнь, сверху донизу. Отдайте себя - и вы обретете себя. Пожертвуйте жизнью - и вы спасете ее. Предавайте смерти свое тщеславие, свои самые сокровенные желания каждый день и свое тело - в конце, отдайте каждую частицу своего существа - и вы найдете жизнь вечную. Не удерживайте ничего. То, что не умерло в вас, не воскреснет из мертвых. Будете искать "себя" - и ваши уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и "все остальное приложится вам".